

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«**СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
Т.Ю. Сидорова
подпись инициалы, фамилия
« ____ » _____ 2023 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Ближневосточная политика Турции в период 2010-2022 гг.

Руководитель	_____	зав.кафедрой, к.ю.н	<u>Т.Ю. Сидорова</u>
	подпись, дата	должность, ученая степень	инициалы, фамилия
Выпускник	_____		<u>Д.А. Василюк</u>
	подпись, дата		инициалы, фамилия

Красноярск 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1. Концептуальные основы ближневосточной политики Турции.....	5
1.1. Политика «ноль проблем с соседями».....	5
1.2. Место Турции на Ближнем Востоке.....	14
2. Трансформация внешнеполитического курса Турции на Ближнем Востоке.....	27
2.1. Факторы трансформации ближневосточной политики Турции.....	27
2.2. Проблемы и перспективы развития турецко-сирийских отношений.....	38
Заключение.....	53
Список использованных источников.....	56

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Ближний Восток – это регион, играющий чрезвычайно важную роль в мировой политике и экономических отношениях. Ближний Восток отличается особой внутривосточной конфигурацией: институциональная структура развита слабо, но при этом существует несколько равноценных по политической и экономической мощи центров силы, находящихся в постоянной конфронтации друг с другом, из-за чего регион находится в постоянном напряжении, расклад сил регулярно меняется.

Турция, которая на протяжении почти всего 20 века держалась на расстоянии от политической жизни Ближнего Востока, сейчас превратилась в одного из главных акторов региона: влияние, которое она оказывает на происходящие в нем процессы невозможно отрицать.

При этом, под воздействием как внутренних, так и внешних факторов, только за два десятилетия 21 века политический курс Турции претерпел серьезную эволюцию: если в начале века, действуя в рамках разработанной внешнеполитической стратегии «ноль проблем с соседями», Турция пыталась выстроить доверительные отношения с ближневосточными государствами и разрешить старые конфликты, то после прихода «арабской весны», «неоосманские» амбиции Турции многократно усилились, из-за чего ее отношения со странами Ближнего Востока серьезно испортились, и страна оказалась практически в изоляции. К началу третьего десятилетия 21 века Турция подходит с новыми целями и новыми трудностями – она вновь ориентируется на сближение с соседями, при этом не желая поступаться своими интересами. Одно остается неизменным – стремление Турции надежно закрепиться в центре политической жизни Ближнего Востока.

Динамичность международной системы Ближнего Востока, а также турецкой внешнеполитической стратегии делает исследование данной темы особы актуальным.

Целью исследования является изучение и анализ внешнеполитического курса Турции на Ближнем Востоке.

Основные задачи обусловлены целью и включают в себя следующее:

1. Изучить турецкую внешнеполитическую концепцию «ноль проблем с соседями».
2. Дать оценку роли и месту Турции в системе международных отношений Ближнего Востока.
3. Выявить основные факторы, повлиявшие на трансформацию турецкого внешнеполитического курса.
4. Проанализировать развитие турецко-сирийских отношений.

Объект исследования: международные отношения на Ближнем Востоке в период 2010-2022 гг.

Предмет исследования: политика Турции на Ближнем Востоке в период 2010-2022 гг.

В качестве основных исследовательских методов были использованы следующие: метод анализа, сравнительный метод, индуктивный и дедуктивные методы, системный подход.

Научная разработанность. На сегодняшний день проблемам турецкой внешней политики на Ближнем Востоке посвящено большое количество трудов, как российских ученых, так и турецких специалистов, а также исследователей из других стран. Среди российских ученых-тюркологов можно выделить труды В. А. Аваткова, И. И. Ивановой, И. А. Свистуновой, А. В. Сулейманова, П. В. Шлыкова. Среди иностранных исследователей можно отметить труды А. Davutoglu, Т. Pierret, М. Altunisik.

Эмпирическую базу исследования составили следующие группы материалов: официальные документы, заявления официальных лиц Турции и ряда других государств, экспертные мнения, сообщения СМИ.

1 Концептуальные основы ближневосточной политики Турции

1.1 Политика «ноль проблем с соседями»

После окончания «холодной войны» международные отношения вступают в новую эпоху, происходящие в 90-х годах XX века глобальные геополитические изменения не обходят Турцию стороной. В годы биполярного противостояния сложился дисбаланс во внешней политике Турции в сторону отношений с европейскими государствами и США, что приводит к зависимости и ослаблению позиций Турции. Кроме того, с исчезновением «советской угрозы» Турция больше не могла играть роль оплота коммунизма в регионе, и перед ней, опять же, вставала перспектива превращения во «второстепенную державу». Наконец, события, происходившие на Ближнем Востоке, представляли серьезную угрозу турецкой безопасности, нельзя было их игнорировать. В результате чего, перед Турцией встала задача переориентации внешней политики с Запада на Восток, формирования нового политического курса, учитывающего все изменения и вызовы в регионе, направленного на возвышение Турции, укрепление ее позиций на Ближнем Востоке. Поэтому начало XXI века становится периодом усиления дипломатической активности Турции на Ближнем Востоке.

Так, новый этап во внешней политике Турции начинается в 2002 году, с приходом к власти умеренно исламистской Партии справедливости и развития (ПСР) во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом. Политика приобретает многовекторный и гибкий характер, основными направлениями становятся взаимодействие с Евросоюзом, развитие двусторонних отношений с США,

активное участие в деятельности Организации исламской конференции. Кроме того, в это период Турция проходит через период бурного экономического и демографического роста, внутри страны сохраняется стабильность, что также предоставляет почву для наращивания международного влияния.

В этот же период начинает оформляться концептуальная основа турецкой внешней политики. В 2001 году профессор университета Стамбула Ахмет Давутоглу публикует книгу под названием «Стратегическая глубина: международные позиции Турции». По мнению автора, любое государство при выстраивании своего внешнеполитического курса ориентируется в первую очередь на геостратегическое положение и историческое наследие. Поэтому Турцию можно назвать уникальной страной: расположенная на стыке нескольких регионов, она является одновременно европейской и азиатской страной, а также ближневосточной и средиземноморской державой, а также обладает особым историческим прошлым, будучи наследницей Османской Империи. Кроме того, А. Давутоглу подвергает критике предыдущие внешнеполитические подходы – по мнению автора, они были направлены лишь на достижение краткосрочных целей, и лишены долгосрочного стратегического планирования, поэтому проводимую на тот момент Турцией внешнюю политику можно считать «несбалансированной» [1]. Такие направления внешней политики, как следование по пути евроинтеграции, чрезмерный упор на сближение с Западными странами, привели к тому, что Турция отделилась от стран Ближнего Востока, ее внешнеполитический курс вызывает непонимание и враждебность у ближневосточных государств. Таким образом, большое внимание уделяется формированию турецкой идентичности и многовекторного внешнеполитического курса, с упором на историю и традиции Османской империи.

Идеи, высказанные А. Давутоглу произвели большое впечатление на лидеров ПСР. Вскоре А. Давутоглу становится советником премьер-министра, а затем получает ранг чрезвычайного и полномочного посла, благодаря чему А. Давутоглу получает возможность реализовать свои идеи на практике, он

становится архитектором политического курса Турции в период правления ПСР. Партия ставит перед собой долгосрочную цель – превращение Турции не в региональную, а в мировую державу, усиление её позиций в разных регионах мира – прежде всего на Ближнем Востоке, «мирное возвышение» путем использования методов мягкой силы и невоенных инструментов.

А. Давутоглу разрабатывает новый комплексный подход к формированию внешнеполитического курса, который основывается на трех методологических и пяти функциональных принципах [1].

Суть первого методологического принципа заключается в гибком реагировании на проблемы, существующие во внешней политике. Второй принцип говорит о том, что внешняя политика Турции должна носить системный характер – действия в разных регионах (на Ближнем Востоке, в Закавказье и т.д.) не должны противоречить друг-другу. Третий принцип заключается в необходимости выработки нового дипломатического стиля, основанного на методах мягкой силы, что должно привести к расширению влияния Турции в регионах.

Основываясь на данных трёх принципах, А. Давутоглу разрабатывает 5 принципов, на которые необходимо опираться в процессе принятия внешнеполитических решений.

Первый функциональный принцип – определение баланса между свободой и безопасностью. Второй принцип говорит об «обнулении» проблем в отношениях с соседями. Третий принцип предполагает проведение «превентивной» дипломатии – предотвращение появления и «разжигания» кризисов путем сотрудничества с другими государствами по вопросам безопасности, выстраивания политического диалога по безопасности на высоком уровне. Четвертый принцип заключается в проведении многовекторного и комплементарного внешнеполитического курса – так, например, развитие отношений с НАТО должно не мешать развитию отношений с Россией. Пятый принцип говорит о «ритмичной дипломатии» –

курсе, направленном на интеграцию Турции в крупные международные структуры и институты.

В 2008 г. А. Давутоглу предложил новую внешнеполитическую концепцию «Ноль проблем с соседями», а в 2009 году, после его назначения на пост министра иностранных дел, концепция получила дальнейшее развитие и была принята МИДом Турции в качестве официального принципа внешней политики.

«Ноль проблем с соседями» – это один из пяти функциональных принципов, выработанных А. Давутоглу ранее. Суть данной концепции заключается в том, что развитие Турции, усиление ее позиций в мире возможно только при разрешении существующих проблем в отношениях с соседями по региону, поэтому необходимо обеспечить мирную и стабильную обстановку для развития турецкого государства [2]. Так, например, необходимо разрешить армянский и курдский вопросы, проблему Северного Кипра, урегулировать отношения с Ираном, Ираком и Сирией носящие противоречивый характер. При этом турецкие власти понимали, что полностью разрешить конфликты с многолетней историей за короткий срок невозможно, цель новой политики заключалась скорее в смягчении существующей в отношениях напряженности, чтобы она не блокировала сотрудничество в тех сферах, где напряженности нет.

Помимо атмосферы безопасности и стабильности, политика «ноль проблем с соседями» также предусматривает поощрение интеграционных процессов в регионе: Турции необходимо активизировать сотрудничество с соседями в торгово-экономической, культурно-гуманитарной и социальной сферах. Тем самым Турция могла выстроить тесное сотрудничество с соседями в тех областях, где это было возможно, избегая столкновений в проблемных и противоречивых областях – таким образом, развитие экономической взаимозависимости стран должно было естественным образом привести к снижению конфронтации [1]. Также, данное направление политики «ноль проблем с соседями» предусматривает активное использование инструментов

мягкой силы, за счет чего Турция могла восстановить собственный положительный образ в глазах других стран региона, разрушить сложившиеся стереотипы.

При этом новая политика Турции предполагала не просто выстраивание дружеских отношений с соседями, Турция должна активнее участвовать в процессах, происходящих в регионе, выступать посредником в конфликтах (например, в конфликтах вокруг Голанских высот, Нагорного Карабаха, кипрского урегулирования), выступать с инициативами, и, если необходимо, применять защитные превентивные меры.

Следует также отметить, что по словам А. Давутоглу политика «ноль проблем с соседями» не является для Турции кардинально новым политическим курсом, этот принцип Турция успешно претворяла в жизнь во внешней политике начиная с 2002 года [2].

Следует рассмотреть практическую реализацию принципа «ноль проблем с соседями». В первое время политика, несомненно, привела к достижению некоторых положительных результатов. Так, например, Турции удается добиться значительных успехов в торгово-экономической сфере: объем турецкого экспорта в страны Ближнего Востока вырос с 7,9 млрд долл. США 2004 г. до 42 млрд долл. 2012 г. [3, с. 178]. В 2010 г. был учрежден четырехсторонний Совет стратегического сотрудничества высокого уровня с участием Турции, Сирии, Иордании и Ливана. Целью его создания было развитие долгосрочного стратегического партнерства и продвижение к экономической интеграции, первым этапом которой должна была стать зона свободной торговли между странами-участницами [4].

В целом, удалось добиться значительного укрепления связей с Сирией, Ираном, Ираком. Так, в 2004 году президент Сирии совершает первый за 57 лет визит в Турцию. С этого момента стороны начинают поддерживать регулярные политические контакты на высшем уровне, в результате чего был подписан ряд важных двусторонних соглашений, например – договор о свободной торговле и договор о распределении водных ресурсов, что было значимым шагом в

решении одной из застарелых проблем турецко-сирийских отношений – проблемы трансграничных рек. В 2009 году состоялись первые заседания турецко-иракского и турецко-сирийского советов стратегического сотрудничества высокого уровня, по результатам которых был подписан ряд двусторонних соглашений о сотрудничестве в различных областях – от энергетики до вопросов безопасности [4].

Некоторые продвижения наблюдались в отношениях Турции с Арменией. Так, в 2009 году стороны подписали Цюрихские протоколы: протокол «Об установлении дипломатических отношений» и протокол «О развитии отношений» [5]. Подписание данных документов можно назвать историческим событием, т.к. оно должно было стать отправной точкой для дальнейшей нормализации отношений. И, хотя в дальнейшем протоколы не были ратифицированы, поскольку турецкая сторона пожелала отложить этот процесс до окончательного регулирования Нагорно-Карабахского конфликта, а дипломатические отношения между двумя странами так и не были установлены, но на тот момент подписание данных соглашений считалось большим дипломатическим достижением Турции.

Что касается греко-турецких отношений, то с начала 2010-х гг. они приобретают куда более интенсивный характер. В 2011 году А. Давутоглу выпускает статью под названием «Новая парадигма турецко-греческих отношений в меняющейся стратегической обстановке», в которой он призывает отказаться от сложившихся стереотипов и выстраивать отношения в согласии с новым видением, которое включает в себя общее понимание истории ради будущего, межконфессиональный диалог, новое понимание «соседства», урегулирование нерешенных проблем в Эгейском море, выдвижение совместных инициатив в ЕС [6].

С приходом «арабской весны» на Ближний Восток Турция начинает сталкиваться с некоторыми сложностями в реализации своей внешнеполитической стратегии. Изначально, Турция пыталась использовать события, происходящие в арабском мире для того, чтобы усилить свое влияние,

продвинуть «турецкую модель развития», основанную на принципах демократии. Поэтому Турция поддерживала протестные выступления, происходящие в странах арабского мира, считая, что таким образом граждане выражают свои естественные требования о социально-политических и экономических преобразованиях. Так, например, в 2010-2011 гг. Турция предлагала Сирии «поделиться своим опытом демократических преобразований», при этом ранее установив контакты с лидерами сирийской умеренной оппозиции, предоставив им укрытие и помощь на своей территории [1]. Но вскоре, увидев, что продвижения реформ в Сирии не происходит, а уровень насилия, наоборот, увеличивается, Турция приняла решение вместе с США ввести односторонние санкции против сирийского режима, а кроме того, Турция всячески добивалась осуждения сирийского правительства со стороны международного сообщества – ЛАГ, СБ ООН, что в дальнейшем привело к полному разрыву турецко-сирийских отношений. А со временем, из-за углубления сирийского кризиса ухудшаются отношения Турции с еще одним «соседом» – Россией.

Также, в этот период Турция оказывает активную поддержку организации «Братья-мусульмане» (идеологически ей близкой), пришедшей к власти в Египте, Ливии и Тунисе, планируя таким образом усилить свое влияние. Но после утраты «братьями-мусульманами» власти в этих странах Турция также утрачивает влияние в регионе Северной Африки. Особенно глубокий кризис наступает в отношениях с Египтом, после того, как Турция признает свержение президента Мухаммада Мурси и признание «Братьев-мусульман» незаконной организацией в качестве военного переворота.

В целом, лидеры арабских государств стран сочли чрезмерно активную политику Турции по продвижению собственной модели развития международной системы Ближнего Востока вмешательством во внутренние дела их стран. Это приводит к падению имиджа Турции в обществах других государств – таким образом, Турция лишается возможности воздействия на соседей путем «мягкой силы».

Также, в 2010 году происходит резкое ухудшение отношений с Израилем. Во многом это связано с инцидентом вокруг «Флотилии свободы», произошедшим у берегов Газы. В мае 2010 гуманитарный конвой из шести кораблей, во главе с турецким паромом «Мави Мармара» попытался прорвать блокаду Газы. В результате ответных действий Израиля, предпринятых с целью не допустить корабли к берегам Газы, погибло 9 человек, многие получили ранения [7]. Турция жестко осудила действия Израиля, назвав их «преступлением против человечности». Кроме того, посол Израиля в Турции был выслан из страны, в результате чего произошло понижение дипломатических отношений до уровня вторых секретарей посольств [8]. Этот инцидент на протяжении нескольких лет оставался камнем преткновения в отношениях двух сторон. Но в то же время, охлаждение отношений с Израилем и открытая поддержка Палестины значительно повысили авторитет Турции в глазах других соседей по региону – арабских стран.

В целом, оценивая результаты и последствия политики «ноль проблем с соседями», можно сказать, что они оказались преимущественно негативными. Турции не удалось достичь поставленных долгосрочных целей: ее политика приводит не только к ухудшению отношений со многими «соседями» – важными партнерами в регионе, но и к созданию дополнительных угроз безопасности – усиление курдского сепаратизма, появление множества радикальных исламских террористических группировок в Сирии, Ливии и др. странах, что полностью противоречит идеи о создании «пояса безопасности», которая лежала в основе политики «ноль проблем с соседями». Выбранная Турцией стратегия принесла парадоксально обратные результаты. В прессе даже возникло такое выражение: «Ноль соседей без проблем» [9].

Стоит также отметить, что Турции не удалось добиться разрешения ни одной из «долгосрочных» проблем – продвижение в армянском вопросе застопорилось, территориальный спор с Грецией не был разрешен, хотя это были важнейшие задачи политики «ноль проблем с соседями».

Очевидно, что, несмотря на хорошую базу, Турция переоценила свои возможности и оказалась неспособной эффективно внедриться в систему международных отношений на Ближнем Востоке и укрепиться в ней. Эта система оказалось слишком непредсказуемой: падение режимов и внутривластная нестабильность во многих странах региона, появление новых угроз безопасности. В таких условиях Турция не смогла грамотно построить свою внешнеполитическую стратегию, адаптировать ее к происходящим в регионе изменениям, и многие решения, принятые ей, оказались ошибочными.

В качестве еще одной причины провала данной стратегии можно назвать чрезмерность усилий Турции по усилению своего влияния в регионе, а также ее стремление контролировать политические процессы, происходящие в других странах. Риторика турецких лидеров об «ответственности Турции за судьбу региона», о формировании «единого регионального сознания», активное продвижение турецкой «модели развития», отсылки к историческим событиям времен Османской Империи вызывали серьезные опасения среди лидеров других стран региона касательно истинных намерений Турции. Все это значительно испортило имидж Турции в глазах стран региона, и ее политическая стратегия стала рассматриваться не как миролюбивая, а скорее как наступательная доктрина.

В это время многие политологи и журналисты начинают использовать термин «новый османизм» для описания внешнеполитического курса Турции на Ближнем Востоке. Официальное руководство Турции никогда не использовало это термин, и воспринимается он, скорее, в негативном ключе. Сам А. Давутоглу, давая в 2012 интервью, высказался о «неосманизме» следующим образом: «Известные круги обвиняют нас в «новом османизме». Данные утверждения безосновательны. Общая история и география, объединяющая нас со странами региона, вынуждает нас вести активную политику» [4].

Но все же, несмотря на то, что практическая реализация концепции «ноль проблем с соседями» не была успешностью, нельзя отрицать важность тех идей, которые выработал Ахмет Давутоглу. Именно его идеология привела к тому, что Турция кардинально изменила свой внешнеполитический курс – из страны, далекой от политических дел Ближнего Востока, Турция превратилась в мощного влиятельного игрока.

Официально концепция «ноль проблем с соседями», вместе с принципами, заложенными в работе «Стратегическая глубина» продолжала оставаться опорой и основой турецкой внешней политики, хотя, начиная с 2016 года и до настоящего момента, можно заметить очевидный отход от основных принципов концепции (мягкая сила, международное посредничество, отказ от конфронтации с соседями, экономическая взаимозависимость – эти принципы отходят на второй план в новой политике Турции). Теперь Турция активно использует «жесткую силу», реализует свои интересы на территории других стран военным путем и не боится вступать в конфронтацию с соседями – так, например, Турция проводила многочисленные военные операции на территории Сирии, Ливии, Ирака. Турция также больше не стремится играть роль международного посредника – она поддерживает ту сторону, чья победа принесет ей выгоду – об этом говорит, например, открытая поддержка Азербайджана в Нагорно-Карабахском конфликте. Хотя в то же время, с момента начала украинского кризиса в 2022 году, Турция продолжает придерживаться нейтралитета, и даже выразила желание выступить в роли посредника. Но это, опять же, объясняется интересами Турции – она понимает, что миропорядок начинает меняться, и ей нужно включаться в этот новый мир – необходимо взаимодействовать с Россией, искать точки соприкосновения интересов.

Сейчас Турция скорее действует не в рамках какой-то единой доктрины или идеологической концепции, а более прагматично, руководствуясь реальными политическими и экономическими интересами. Неизменной

остается приверженность центральной идеи доктрины «ноль проблем с соседями» – переход Турции к региональному и мировому лидерству.

1.2 Место Турции на Ближнем Востоке

Говоря о месте Турецкой Республики в системе международных отношений Ближнего Востока в XXI веке, нельзя не сказать, что Турция, определенно, находится в центре политических процессов региона, и уже имеет достаточно сильное влияние – это достижения политики, проводимой Партией Справедливости и Развития в первом десятилетии XX века, с учетом стратегий и концепций, разработанных Ахметом Давутоглу – Турция больше не находится «в стороне» от Ближнего Востока, как это было раньше. После первого десятилетия XXI века казалось, что у Турции есть все шансы занять место регионального лидера. Но международная система Ближнего Востока отличается особо сильной турбулентностью – за последние десять лет произошло множество важных, переломных событий, и отношения Турции с соседями резко изменились, как изменилось и то положение, которое она занимает на Ближнем Востоке.

Для того, чтобы определить место, которое Турция занимает в системе международных отношений Ближнего Востока, необходимо проанализировать ее внутренний экономический, военный и социальный потенциал, а также ее отношения с другими государствами региона.

Турция является второй по численности населения страной на Ближнем Востоке (около 85 млн. чел.) [10]. Страна занимает стратегически выгодное географическое положение, которое создает благоприятные условия для развития экономики: имеет доступ к рынкам страны Ближнего Востока и постсоветского пространства, контроль над транзитными путями между Европой и Азией, климат, благоприятный для развития туризма. На 2022 год Турция занимает 19 место в рейтинге стран по ВВП, что является вторым показателем в регионе (после Саудовской Аравии) [11]. Одним из главных

инструментов, которые Турция использует для развития своей экономики, является инвестирование в экономики других государств – например, Катара, Ирана, Египта – турецкие компании и предприятия активно задействованы в экономике данных стран [12]. Турция также пытается привлекать ответные инвестиции для развития собственной экономики – прямые иностранные инвестиции в Турцию выросли на 21% за год (данные на сентябрь 2022 г.) [13].

Кроме того, Турция обладает большой военной мощью. Вооруженные силы Турции являются второй по величине постоянной военной силой в НАТО после Вооруженных сил США. Турецкая армия обладает опытом проведения военных операций в таких странах, как Сирия, Ливия, Ирак, Северный Кипр. Регулярно проводятся военные учения, в том числе и совместно с такими государствами, как Саудовская Аравия, Катар, Ирак. Кроме того, Турция имеет военные базы в Катаре, Сомали, Ливии, Северном Кипре, Сирии и Азербайджане [12]. Наличие современной, мощной и опытной армии позволяет Турции выступать с позиции гаранта безопасности в регионе.

Турция также пытается бороться за лидерство, используя методы публичной дипломатии и мягкой силы. Турция стремится сформировать образ «государства-донора», «защитника», готового оказывать всяческое содействие развивающимся странам. Турция прибегает к оказанию гуманитарной помощи, в первую очередь через специально созданные институты, например, через деятельность ТІКА (Турецкое агентство по сотрудничеству и координации). В 2017 году Турция стала мировым лидером по оказанию гуманитарной помощи – общий объем средств составил 8,07 млрд. долл. Помощь направлялась в такие страны, как Ирак, Йемен, Палестина, Сомали и др. [14].

Таким образом, можно сделать вывод, что Турция обладает значительным внутренним потенциалом и занимает довольно прочные лидерские позиции как в экономике, так и в военной и социальных сферах.

Что касается внешней политики Турции, ее вполне можно назвать «лидерской». Во-первых, Турция занимает весомое положение на международной арене, будучи членом таких организаций как НАТО, G-20, ЛАГ

и ОИС. Также, Турция активно задействована в большинстве политических событий, происходящих на Ближнем Востоке.

Столь активная и порой даже агрессивная политика Турции вызывает недовольство у большинства стран региона. Лидерские амбиции приводят к тому, что Турция активно вовлекается в процессы борьбы и противостояния, происходящие в регионе, ее отношения с некоторыми государствами приобретают конкурентный характер. Так, усилия Турции по укреплению собственных позиций и расширению влияния вызвали опасения у Королевства Саудовской Аравии – государства, также претендующего на роль неофициального регионального лидера. Эта борьба за доминирование имеет комплексный характер, и выражается, например, в «soft power» соревновании, т.е. идеологической и экономической борьбе. Что касается Саудовской Аравии, она традиционно использует исламский фактор для утверждения своего влияния – именно КСА является хранителем двух исламских святынь – Мекки и Медины. Также, Саудовская Аравия выделяет большое количество ресурсов на поддержание ислама в других странах – занимается строительством мечетей, передачей религиозных книг. Турция также пытается использовать фактор, что ее возглавляют исламисты, пусть и умеренные, для собственного влияния. Кроме того, Турция позиционирует себя в качестве «прогрессивного демократического государства», изображая Саудовскую Аравию с монархической формой правления как «тоталитарное государство», где права и свободы граждан часто притесняются.

Стороны также вовлечены в опосредованное противостояние, поскольку занимают противоположные позиции касательно большинства событий, происходящих в регионе. Например, когда в Египте и Тунисе к власти пришли правительства, связанные с организацией «Братья-мусульмане», Турция их поддержала, в то время как Саудовская Аравия официально признала «Братство-мусульман» террористической организацией. Кроме того, обе страны принимали участие во внутреннем вооруженном конфликте в Ливии, где Турция оказывала поддержку Ф. Сарраджу и Правительству Национального

Согласия, а Саудовская Аравия – командующему Ливийской национальной армией Х. Хафтару. Такие противоречия во взглядах и действиях приводили к тому, что двусторонние отношения серьезно ухудшались, стороны постоянно обвиняли друг друга в деструктивных действиях, угрожающих безопасности региона [15].

В 2018 году произошло резкое обострение отношений между Турцией и Саудовской Аравией в связи с убийством журналиста Джамала Хашкади в помещении консульства Саудовской Аравии в Анкаре. Президент Турции Р. Эрдоган заявил, что убийство было преднамеренным, и к нему были причастны лица «самых высоких уровней» власти [16]. В ответ на обвинения Турции Саудовская Аравия начала «торговую войну»: неформальный бойкот турецких товаров, задержка турецких грузовиков-контейнеровозов на границе, разрыв существующих деловых связей с бизнес-партнерами из Турции. 3 октября 2020 года Глава Торговой палаты Саудовской Аравии Аджлан аль-Аджлан официально призвал к бойкоту «всего турецкого», включая импорт из этой страны, а также любые связи с ней в сферах инвестиций и туризма, подчеркнув, что это «обязанность каждого саудита» [17]. Данный экономический бойкот можно назвать наивысшей точкой противостояния двух стран – скандал вокруг убийства журналиста, конечно, не является единственной причиной таких действий со стороны Саудовской Аравии. Как заявляет политолог Хамдан аль-Шехри: «Политические беспорядки Анкары и вмешательство в дела стран Ближнего Востока стали настоящими причинами бойкота турецких товаров» [18]. Саудовская Аравия недовольна политикой, проводимой Турцией: поддержкой, оказываемой радикальным исламским организациям, укреплением сотрудничества с Катаром, особенно по военно-политической линии, активизацией военных усилий в Ливии и Сирии, поэтому решила использовать экономические инструменты для борьбы. Таким образом, КСА пытается нанести удар по и без того ослабленной в последние годы турецкой экономике. В результате двустороннего кризиса торговля Турции с Саудовской Аравией упала с \$12,7 млрд в 2015 г. до 9,4 млрд в 2019 г. [19].

Также, стоит отметить, что Турция долгое время находилась в состоянии конфронтации с такими странами Ближнего Востока, как Объединенные Арабские Эмираты, Египет, Бахрейн, Израиль.

Отношения с Египтом серьезно испортились в 2013 году, после свержения президента Мухаммеда Мурси, поддерживаемого «Братьями-мусульманами», в результате военного переворота. Турция и Египет в августе 2013 года отозвали своих послов для консультаций, после чего Египет объявил персоной нон грата турецкого посла, а Турция - египетского. После этого Турция предоставила многим членам организации убежище, с оказанием политической и финансовой поддержки. В результате это привело к тому, что Турция фактически превратилась в базу для политической оппозиции египетскому режиму. Стороны практически перестали поддерживать политические и дипломатические контакты.

Кроме того, интересы сторон регулярно сталкиваются во многих областях.

Например, Египет также принимал участие в урегулировании ливийского конфликта, оказывая поддержку ЛНА. В 2020 году Турция отправила на помощь ПНС Ливии войска, египетский парламент одобрил резолюцию о военной интервенции в Ливию, из-за чего Турция и Египет оказались на грани прямой войны, в которой Турции пришлось бы косвенно противостоять также КСА и ОАЭ [19].

Еще одной важной сферой столкновения интересов Египта и Турции является Средиземноморье. Турция ведет работы по разведке и добыче энергоресурсов на шельфе Средиземного моря, даже в тех его частях, которые принадлежат другим государствам – Кипру и Греции. Из-за такой экспансионистской политики другие страны, в том числе и Египет, не могут проводить геологоразведочные работы, что лишает их экономических выгод, а для Египта деятельность Турции в Средиземном море также представляет собой угрозу безопасности для западных границ. В результате чего, можно

говорить о формировании отдельного антитурецкого альянса в Средиземном море, включающего в себя Египет, Израиль, Кипр и Грецию.

Что касается отношений Турции с ОАЭ, их позиция по многим вопросам схожа с позицией Саудовской Аравии, и, следовательно, противоположна турецкой (речь идет о кризисных событиях в Египте, Сирии, Ливии – ОАЭ и Турция оказываются противоборствующими сторонами).

Связи Турции с организацией «Братья-мусульмане» остается главным камнем преткновения в отношениях двух стран. Она запрещена в ОАЭ и вызывающая большие опасения, после того, как в 2013 году «аль-Ислах» и «Братья-мусульмане» в Египте предприняли попытки проникнуть в ОАЭ с целью дестабилизации внутренней обстановки [20]. Поэтому та поддержка, которую Турция оказывает «Братья-мусульманам» рассматривается как попытка вмешательства во внутренние дела других государств.

В свою очередь, Турция также заявляла о попытках ОАЭ вмешаться в собственные внутренние дела – так, в 2016 году Турция обвинила власти ОАЭ в финансировании попытки государственного переворота, когда часть турецких военных попыталась взять под контроль ряд стратегически важных объектов и захватить власть в стране. Турецкие спецслужбы обнаружили связь предполагаемых планировщиков переворота с властями ОАЭ [21].

В 2017 году, на фоне случившегося «второго катарского кризиса» противостояние Турции и арабских государств приобрело более активный характер. 5 июня 2017 г. о разрыве дипломатических отношений с Катаром объявили Саудовская Аравия, Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты, Египет и 5 других государств, присоединившихся позже [22]. В качестве причины такого решения были названы вмешательство Катара во внутренние дела соседних стран региона и поддержка террористических группировок, действующих в регионе (Братьев-мусульман, Аль-Каиды, Исламского Государства и других). В ультиматуме, предъявленном Катару, в качестве одного из условий называлось ликвидация военной базы Турции в Катаре и сокращение ее военного присутствия.

Последствиями данного кризиса оказались окончательный раскол региона на два противоборствующих блока. Можно говорить о формировании альянса, включающего в себя все основные страны арабского суннитского мира – Саудовскую Аравию, ОАЭ, Египет, Бахрейн, Иорданию, деятельность которого направлена против укрепления влияния Турции на Ближнем Востоке. Все эти государства видят в действиях Турции угрозу собственной и региональной безопасности. В качестве причин своего недовольства государства называют одни и те же причины: поддержку Турцией радикальных исламских группировок, агрессивные действия в Сирии, Ливии и Ираке, формирование военно-политического союза с Катаром, экспансионистская политика в Средиземном море, а также на Кавказе. В 2020 году даже Генеральный секретарь ЛАГ выступил с осуждением действий Турции в регионе. «Турция сталкивается с другими странами региона и мировыми державами по ряду проблем, и это не закончится хорошо для неё или её руководства. Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган вмешивается в дела Египта, Сирии, Ирака и Ливии с военной точки зрения» – заявил он [23].

Поэтому арабские государства пытаются сплотиться и даже идут на союз с Израилем. Так, 15 сентября 2020 года были подписаны «Соглашения Авраама» – договоры о взаимном признании и нормализации отношений между Израилем и ОАЭ, а также между Израилем и Бахрейном при посредничестве США. По мнению главного редактора Middle East Eye Дэвида Херста, возникла перспектива формирования альянса Израиль-ОАЭ, направленного не столько против Ирана, сколько против Турции [24].

В условиях, когда большинство стран региона оборачиваются против, Турция пытается искать союзников. Основным из них, конечно же, является Катар. Отношения между Турцией и Катаром всегда развивались в положительном ключе, была выстроена мощная правовая, экономическая и политическая база для взаимодействия. События «арабской весны», а также «катарский кризис» 2014 года дал дополнительный стимул для укрепления союзнических отношений.

Турция и Катар имеют схожие взгляды касательно политического ислама, поддерживают одни и те же исламистские группировки – «Братья-мусульмане», ХАМАС и др. Эта идеологическая близость имеет большое значение в исламском мире и способствует укреплению сотрудничества.

В 2014 году стороны подписали соглашение о военном сотрудничестве, которое предполагало строительство на территории Катара Турецкой военной базы [25]. Она начала функционировать в 2015 году, а в 2017 году, в ходе катарского кризиса, Турция усилила свое военное присутствие на базе, на данный момент военный контингент составляет около 3 тысяч военнослужащих. В 2019 году Турция заявила о практически полном завершении строительства второй военной базы на территории Катара [26]. Кроме того, Катар и Турция выступают на одной стороне в большинстве военно-политических конфликтов региона: в Ливии, Сирии, Сомали.

Катарский дипломатический кризис 2017 г. только укрепил отношения между Анкарой и Дохой, став заметным признаком жизнеспособности их стратегического альянса. После того, как КСА, ОАЭ и Бахрейн заявили о прекращении воздушного и морского сообщения с Катаром, закрыли границы. Турция жестко осудила страны за блокаду Катара, назвав их «действия по изоляции Катара бесчеловечными и противоречащими законам ислама» и сравнил блокаду со «смертным приговором» [27]. В течение следующих после объявления блокады дней Турция направила в Катар грузовые самолеты с продовольствием и другими товарами. В дополнение к этому был увеличен размер расположенного там турецкого военного контингента.

Турция же получила от него не только геополитическое преимущество, но и весомые экономические выгоды: Катар уже несколько раз спасал ее от валютного коллапса в связи с резким падением лиры и практически пустыми резервами турецкого Центробанка. Катарские транши в твердой иностранной валюте – настоящий спасательный круг для платежного баланса Турции [28].

Кроме того, для Турции Катар является связующим звеном в отношениях со странами ССАГПЗ – через поддержку Катара Турция может оказывать давления на Саудовскую Аравию, ОАЭ и другие страны.

Таким образом, можно сделать вывод, что Турция имеет большой потенциал для обеспечения лидерства в регионе, для этого у нее есть необходимые внутренние ресурсы и эффективные инструменты, но из-за совершенных внешнеполитических ошибок страна оказалась в изоляции: отношения Турции с соседями резко ухудшились, практически десять лет, начиная с событий арабской весны она находилась в состоянии «холодной войны» с большинством стран региона, она не располагает широкой сетью союзов в регионе, единственным ее союзником оставался Катар.

Парадоксально, но чрезмерная активность Турции мешает ей занять место лидера в регионе. Возможно, если бы Турция действовала более осторожно, а не так открыто и уверенно продвигала собственные интересы, ее отношения с другими государствами не были бы испорчены, и Турции бы удалось укрепить свое влияние. Достижения первого десятилетия политики «ноль проблем с соседями» были растрчены понапрасну, Турции не удалось добиться желаемого лидерства. Да, она является значимой фигурой, но это происходит из-за внутренних ресурсов, которые позволяют ей проводить независимую лидерскую политику, ради реализации собственных национальных интересов, но другие страны не признают Турцию как лидера, как силу, они видят в ней лишь угрозу.

К концу второго десятилетия XXI века многие из «внутренних ресурсов» Турции были растрчены: во-первых, экономика пошла на спад – в последние годы в Турции наблюдается стремительный рост инфляции (в октябре 2022 года этот показатель превысил 85%) [28], а из-за преобладания иностранных инвестиций имеется серьезный структурный дисбаланс.

После попытки военного переворота в 2016 году был осуществлен ряд «чисток» в рядах вооруженных сил Турции, армия лишилась сотен опытных военнослужащих, из-за чего сейчас она уже не так эффективна. Кроме того,

итог военных кампаний оказался неудачным: затянувшиеся операции в Ливии и Сирии только истощают Турцию. Позиции Турции значительно ослабли, она превратилась в страну-изгоя, с большим количеством неудач.

Многие эксперты сходятся во мнении, что Турция уже не претендует на роль лидера-гегемона, как это было когда-то, пока она способна лишь сохранить роль одного из наиболее влиятельных государств региона. Так, по мнению российского политолога Д. Миргорода, «крах жесткой политики Эрдогана вернёт Турцию в русло «мягкой», взвешенной политики и закрепит за страной статус одного из региональных центров принятия решений, но не «первого среди равных» [29]. Но в то же время, некоторые эксперты, например, Г. Инджекая, отмечают, что Турция все же не теряет надежд на региональное лидерство [30]. Такой же позиции придерживается российский тюрколог В. Аватков – он полагает, что сейчас перед Турцией стоит перспектива регионального и даже глобального лидерства, но для этого ей нужно сделать выбор: быть новым центром полицентричного мира, пройдя через целый ряд испытаний, или вернуться к традиционной англо-саксонской политике. Однако, насколько у нее хватит ресурсов переломить ситуацию в грядущем году, это достаточно большой вопрос. [31].

Соответственно, именно трудности, с которыми столкнулась Турция, а также неугасающие лидерские амбиции, побудили ее пересмотреть свои подходы в отношениях с соседями. Если раньше Турция была готова испортить отношения с соседями ради достижения поставленных целей, то сейчас она стала понимать, что сохранение конфликтных отношений с соседями приведет к ухудшению экономической ситуации, а также привести к потере ее достижений в Ливии, Сирии и Катаре. В результате, Турция начала заниматься «перезапуском» отношений с ранее враждебными странами. В 2021 году начался новый виток политики «ноль проблем с соседями».

В 2021 году Турция отказалась от поддержки «Братьев-мусульман». По мнению турецкого аналитика Хоссейна Баджи, турецкое правительство теперь понимает, что решение поддерживать «Братьев-мусульман» было ошибкой,

поскольку у этой группировки нет ни малейшего шанса вновь прийти к власти [32]. Связи Турции с этой радикальной исламской группировкой долгое время были камнем преткновения в отношениях с арабскими странами, и постепенный отказ Турции от ее поддержки может привести к значительным улучшениям в отношениях.

Кроме того, в январе 2021 года на саммите ССАГПЗ Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн и Египет заявили о полном восстановлении дипломатических отношений с Катаром. «Отныне мы будем действовать как единая система для противодействия вызовам в регионе» – заявил министр иностранных дел КСА [33]. Для Турции это решение стало дополнительным стимулом к началу нормализации отношений с арабскими государствами, поскольку она могла отдалиться от своего единственного союзника – Катара.

С Египтом участились контакты официальных лиц, на чемпионате мира по футболу в Катаре Р. Эрдоган впервые встретился с президентом Египта Ас-Сиси. Глава МИД Турции М. Чавушоглу заявил о возможности скорого обоюдного назначения Турции и Египтом послов [19]. Но осень 2022 года процесс нормализации двусторонних отношений был поставлен на паузу, после того, как Турция заключила соглашения в сфере энергетики и обороны с находящимся на западе Ливии Правительством национального единства [34]. Египет воспринимает этот шаг как очередную попытку Турции усилить свое влияние, и неготовность Турции отказаться от ведения экспансионистской политики.

Процесс нормализации отношений с ОАЭ начался в ноябре 2021 года, когда впервые за девять лет по приглашению Эрдогана в Анкару прибыл наследный принц ОАЭ Мохаммед бен Заид Аль Нахайян. Стороны подписали соглашение о взаимодействии в девяти областях с привлечением инвестиций из ОАЭ на сумму 10 млрд долл. [35].

В июне 2022 года в Турцию приехал Наследный принц и министр обороны Саудовской Аравии Мухаммед бин Салман. Лидеры двух государств обсудили ряд вопросов, касающихся двустороннего сотрудничества между

Саудовской Аравией и Турцией, в частности — увеличение саудовских инвестиций в турецкую экономику [36].

В марте 2022 года президент Израиля Ицхак Герцог совершил первый за 15 лет официальный визит в Турцию. Герцог выразил надежду, что по итогам его визита в Анкару начнется «серьезный процесс с Турцией, углубленный диалог на различных уровнях», что приведет к прогрессу в отношениях между странами. Эрдоган в телефонном разговоре с израильским коллегой высказался за сведение к минимуму разногласий двух стран [37].

Таким образом, можно сделать вывод, что второе десятилетие XXI века можно охарактеризовать как период, когда Турция наиболее активно действовала с целью укрепления собственных лидерских позиций. Но из-за чрезмерной жесткости проводимого внешнеполитического курса Турции не удалось добиться желаемого лидерства, наоборот Турция превратилась в страну изгоя, ее отношения с большинством стран ближнего Востока были испорчены. Помимо этого, жесткая «лидерская» политика имела большое количество издержек. В первую очередь, удар был нанесен по экономической жизни страны, а также привел к социально-политической дестабилизации. Это говорит о том, что в одиночку Турция не может захватить лидерство на Ближнем Востоке, а также, что она не может сделать это с применением преимущественно силовых методов.

Возникает вопрос: нужно ли Турции бороться за лидерство? Или стоит сделать выбор в пользу коллективного сотрудничества, основанного на более мягких методах? На данный момент Турция все больше склоняется ко второму варианту: она готова отказаться от некоторых своих амбиций для того, чтобы нормализовать отношения с соседями (об этом говорят, например, высказывания Р. Эрдогана касательно возможного восстановления отношений с Сирией [38]), и извлечь из них максимальную выгоду — в первую очередь, экономическую.

2 Трансформация внешнеполитического курса Турции на Ближнем Востоке

2.1 Факторы трансформации ближневосточной политики Турции

Внешнеполитический курс Турции претерпел значительные изменения за период правления Партии справедливости и развития. Ближневосточную политику в это время можно разделить на несколько условных периодов:

- 2002–2010 – «возвращение» Турции на Ближний Восток, вершина успеха в реализации доктрин «стратегической глубины» и «ноль проблем с соседями», активное налаживание взаимоотношений со странами региона;
- 2010–2016 – политика характеризуется большей активностью и независимостью, Турция начинает бороться за лидерство, при этом все еще действуя в рамках идей А. Давутоглу;
- 2016–2021 – использование более жестких методов реализации своих национальных интересов в регионе, отход от принципов «стратегической глубины» и «ноль проблем с соседями»;
- 2021– настоящее время – новый виток политики «ноль проблем с соседями».

Можно выделить ряд внешних и внутренних факторов, которые повлияли на трансформацию внешнеполитического курса Турции, и обеспечили переход от одного условного этапа к другому.

В первую очередь, поворотной точкой в развитии политического курса Турции стала волна народных революций, охватившая Ближний Восток в 2010–2012 гг., известная как «арабская весна». Отголоски внешнеполитических шагов Турции того периода продолжают оказывать влияние на развитие международных отношений и до сих пор.

Для Турции арабская весна должна была стать возможностью еще больше укрепить свои позиции в регионе, окончательно закрепить лидерство. События, происходящие в государствах Ближнего Востока, Турцией рассматривались, как переход от деспотичных режимов к демократичным, т.е. речь шла о трансформации международной системы Ближнего Востока, и Турция хотела принять участие в формировании нового порядка. Как влиятельное государство, Турция могла поделиться своим опытом реформ и преобразований, тем самым продвигая «турецкую модель» развития, основанную на демократических принципах и секуляризме, что для обществ, борющихся с диктатурами, в одно время казалось очень привлекательным. Кроме того, на начальном этапе «арабской весны» Турция действовала мягкими, дипломатическими методами – так, в 2011 г. Р. Эрдоган, в качестве премьер-министра, отправился в турне по странам с «победившей арабской весной» – в Египет, Тунис, Ливию. Целью Турне было продвижение роли Турции как лидера нового, «обновленного» Ближнего Востока, некоего «балансира». Также, Турция осознает, что резкое ухудшение отношений с такими странами-партнерами как Ливия, Сирия может нанести большой урон экономическим интересам, поэтому опять же, на начальных этапах «арабской весны» Турция действует мягко.

Действительно, по началу Турции удалось завоевать желаемую популярность. Так, в результате опроса общественного мнения, проведенного в пяти арабских странах в ноябре 2011 г., страной, сыгравшей самую конструктивную роль на Ближнем Востоке респонденты назвали Турцию – 50%. При этом из всех иностранных лидеров наибольшие симпатии у опрошенных вызывает премьер-министр Турции Эрдоган [39].

Таким образом, именно с началом «арабской весны» Турция включается в ближневосточную «большую игру» [3, с. 220] за влияние в арабском мире, Турция начинает в полной мере претендовать на лидерство, встает в один ряд с Ираном и Саудовской Аравией.

Но в то же время, по мнению И. И. Ивановой, [3, с. 223] турецкое руководство далеко не сразу осознало значение и возможные последствия «арабской весны», со значительным запозданием начав корректировать своей региональный внешнеполитический курс. Когда Турция понимает, что происходящие события несут в себе куда больше угроз (дестабилизация политической системы, разжигание застарелых конфликтов, вмешательство внешних сил в дела региона), чем возможностей, ее внешняя политика начинает интенсифицироваться. Перед Турцией встал выбор: либо действовать путем «мягкой силы», опасаться прямого вмешательства в кризисы в других странах, оставаться в роли посредника, что может привести к тому, что к Турции никто не будет прислушиваться и она не повлиять на происходящее, либо начать действовать более активно, вмешаться в происходящие в регионе события, для того, чтобы направить их ход в желаемом для себя направлении.

Турция выбирает второй вариант, отходя от внешнеполитических принципов, выдвинутых ею же самой. «Мы будем руководить волной перемен на Ближнем Востоке, и мы продолжим быть его хозяином, лидером и слугой. В основе притязаний Ближнего Востока достижение мира. И кто бы что ни говорил, Турция будет лидером нового порядка» – заявляет министр иностранных дел Турции А. Давутоглу [3, с. 223]. С тех пор и до настоящего времени прагматический подход преобладает в турецкой внешней политике – Турция действует строго в рамках собственных национальных интересов ради извлечения выгод, а любые «идеологии» и «концепции» отходят на второй план. Также, Турция навсегда лишается роли «посредника» и «балансира», которую она так стремилась играть, поскольку теперь она напрямую вовлекается в конфликты, поддерживая ту или иную сторону. Кроме того, Турция отходит от принципа «невмешательства в дела соседей» и начинает решать свои проблемы, реализуя собственные интересы на чужих территориях, а во внешней политике начинает преобладать силовой элемент, хотя сила применяется не в таких масштабах, как это будет в дальнейшем.

При этом, в это период Турция все еще очень тесно взаимодействует с США и ЕС, во многом зависит от их поддержки, и пытается согласовывать свою политику с союзниками. В дальнейшем это изменится, и повлечет за собой трансформацию внешнеполитического курса Турции. Так, следующим трансформационным внешним фактором стали неудачи Турции в европейской интеграции.

К началу 2010-х гг. Турецкие власти поняли, что шансы на вступление в Европейский союз крайне малы: велик культурный разрыв между обществами, внутренняя политика Турции не до конца соответствует европейским стандартам, а из-за внешней Турция оказывается втянута в большое количество конфликтов. Но все же, долгое время именно Европейский союз оставался основным экономическим партнером Турции, большая часть внешнеторгового оборота Турции была ориентирована на западные державы. В политической сфере Турция также старалась действовать осторожно, балансировать, чтобы не вызвать осуждение со стороны ЕС.

Но вскоре турецко-европейские отношения все же стали ухудшаться. Одной из причин такого развития событий можно считать миграционный кризис 2015 года: стороны никак не могли договориться по поводу контроля миграционных потоков.

Еще одним поводом ухудшения европейско-турецких отношений стали последствия неудавшегося военного переворота 16 июля 2016 г. и массовые аресты военных, общественных деятелей, журналистов, причастных к попытке переворота, а также репрессивные меры против лиц, связанных с деятельностью РПК. Европейский союз расценил такие меры как жесточайшее нарушение прав человека, свободы слова и прессы.

Кроме того, Европейский союз осудил реформы, предложенные Р. Эрдоганом в рамках изменения конституции. Власти некоторых стран (Германии, Нидерландов и др.) приняли решение о запрете митингов в поддержку референдума об изменениях, которые были запланированы

официальными лицами Турции в рамках агитации турецкой диаспоры, проживающей за рубежом [40].

В результате, Турция отходит от строгого прозападного курса и идей европейской интеграции. Она выбирает путь «евразийства» вместо «европейства», начинаются разговоры о турецком «повороте на Восток» – усиление активности в Азии, Африке, на Кавказе, и, конечно, на Ближнем Востоке – регионе, имеющее особое значение.

Лишившись европейских союзников, Турция начала пытаться выстраивать отношения с государствами Ближнего Востока, но учитывая, что по результатам политики во время «арабской весны» Турция лишилась многих союзников в регионе, выбор был небольшой. В итоге, Турция сделала выбор в пользу Саудовской Аравии и Катара. Если Катар являлся давним союзником Турции, то отношения с Саудовской Аравией носили куда более неоднозначный характер: два государства находились в состоянии борьбы за неформальный статус «регионального лидера», а также их взгляды по многим региональным проблемам не совпадали. Но в то же время Саудовская Аравия – единственная страна, поддержавшая турецкую политику относительно проведения военных операций в Ираке и Сирии. В это время стороны проводят множество встреч на высшем уровне, а также заключают ряд соглашений, в первую очередь об экономическом сотрудничестве. Так, например, в 2016 г. было заключено восемь соглашений для стимулирования двусторонней торговли [15]. Также, видимо в надежде найти замену договору с Европейским таможенным союзом, Турция заявила о намерении подписать соглашение о свободной торговле с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) [40].

Таким образом, неудачи в европейской интеграции подтолкнули Турцию к развитию сразу нескольких векторов внешней политики, в том числе большее внимание начало уделяться ближневосточному вектору, в первую очередь экономическому сотрудничеству со странами региона.

Еще одним фактором, вызвавшим изменения во внешнеполитическом курсе Турции, можно назвать усиление американско-турецких противоречий.

С середины XX века и вплоть до конца первой половины 2010х годов Турция являлась одним из основных союзников США в регионе Ближнего Востока. Турция выступала в роли некоего плацдарма американской политики в регионе, а кроме того Турция являлась подходящим примером «западной демократии» – страна, где либеральные ценности свободного рынка и демократии прекрасно уживались с исламом [41]. Американские эксперты даже называли Турцию «идеальным партнером для Америки» [42]. Но к 2016 году отношения двух стран достигли крайне низкого уровня, президент США Б. Обама характеризовал Турцию в качестве «проблемного» союзника [43].

В качестве наиболее очевидных причин ухудшения отношений можно выделить разные подходы к сирийскому урегулированию, а также поддержка США, оказываемая сирийским курдам (начиная с 2014 года США сформировали стратегический союз против ИГ с сирийским Демократическим союзом (PYD), хотя по мнению Турции эта организация является такой же террористической, как и Рабочая партия Курдистана) [44]. Также, свою роль сыграл отказ США экстрадировать Фетхуллага Гюлена, обвиняемого в организации государственного переворота в Турции. Но кроме этого, существуют и более глубинные причины: разные долгосрочные цели и интересы в регионе, разные взгляды на экономическую ситуацию и проблемы безопасности (например, иранскую ядерную сделку).

Таким образом, взаимодействие двух стран в рамках ближневосточной системы безопасности сошло на нет, Турция начала проводить более независимую политику, понимая, что такой союзник как США только создает дополнительные угрозы безопасности, поэтому нужно защищать себя самостоятельно.

Турция больше не хочет, чтобы ее рассматривали в качестве подчиненного партнера или ресурсной базы, не хочет играть роль периферийное государство североатлантической системы. Турция готова

действовать более самостоятельно и более активно, отстаивая свою международную субъектность. Так, например, даже членство в НАТО перестало рассматриваться Турцией как стратегическая необходимость, а стало восприниматься как одна из стратегических возможностей. НАТО – не необходимое условие для обеспечения турецкой безопасности, а ресурс для укрепления ее позиций и авторитета на международной арене.

Усиление противоречий в отношениях с США открыло для Турции новые векторы политики: подтолкнуло к сотрудничеству с Россией и Ираном.

Осенью 2017 г. впервые в истории турецко-иранских отношений состоялся

обмен визитами начальников Генштабов двух стран. Начальник Генштаба Турции Х. Акар на встрече со своим иранским коллегой М. Бакири в Тегеране заявил о начале нового этапа в турецко-иранских отношениях [45]. Кроме того, стороны обсудили возможность проведения совместной операции против РПК. В целом, проблема курдского сепаратизма, а также политика США в отношении курдских ополчений стала ключевым направлением сотрудничества двух стран. В сентябре 2017 года Иран и Турция единогласно выступили против референдума, запланированного в Курдской региональной администрации Ирака (КРАИ) [46]. На фоне общей угрозы солидарность сторон по ключевым вопросам безопасности растет.

Так, укрепление отношений с Ираном на фоне антииранской позиции США является очень значимым шагом. Это вызов, который Турция бросает США, в очередной раз заявляя о своей самостоятельности. Турция смогла обрести нового союзника в лице Ирана, хотя, конечно, не идеального – противоречия во взглядах все равно остаются. Был сформирован тактический альянс с потенциальной возможностью перехода к стратегическому сотрудничеству, что важно для Турции, у которой мало союзников. Так, Иран и Турция выступали на одной стороне в ходе Катарского кризиса, Иран поддержал Турцию после переворота 2016 г.

Помимо иранского направления, на фоне кризиса в отношениях с США Турция также начала развивать российский вектор политики – то, чего она долго не могла сделать, поскольку была «связана» блоковыми обязательствами.

После инцидента со сбитым Турцией российским бомбардировщиком СУ-24 в отношениях двух стран наступил глубокий кризис. На тот момент Турция все еще придерживалась прозападного курса, и, вероятно, ожидала, что такими действиями продемонстрирует свою приверженность западным союзникам. Но Турция не получила желаемой поддержки от стран НАТО, и в то же время лишилась союзника в лице России. С учетом данного события, и на фоне общего ухудшения отношений с США Турция приняла решение пойти на нормализацию и углубление отношений с Россией, чтобы продемонстрировать, что, несмотря на противоречия в отношениях с Западом, она не одинока, и может проводить альтернативную многовекторную политику.

В июне 2016 года Р. Эрдоган отправил письмо Владимиру Путину, где выразил свои сожаления по поводу произошедшей катастрофы, а также заявил о желании восстановить традиционно дружественные отношения двух стран [3, с. 318]. Большим шагом руководства Турции на пути к независимости внешнеполитических действий стало приобретение российских ПВО С-400 после принятия Конгрессом Соединённых Штатов нового санкционного пакета в отношении России [47].

Также, стоит отметить взаимодействие Турции, России и Ирана в рамках Астанинского формата – системы мирного урегулирования сирийского кризиса, запущенная по инициативе президента РФ в январе 2017 года. Это говорит о трансформации системы безопасности, решение проблем без главенствующей роли США.

Также, нельзя не отметить влияние внутривнутриполитических факторов на эволюцию внешней политики Турции. Так, 2016 год стал важным годом для Турции, в это время происходит множество важных внутривнутриполитических событий: попытка военного переворота, закончившаяся неудачей, масштабные

реформы, последовавшие за переворотом, уход Ахмета Давутоглу с поста премьер-министра.

Неудавшийся военный переворот, несомненно, стал большим потрясением для политической жизни Турции, а также оказал влияние на внешнеполитический курс Турции. Так, Турция не получила желаемой поддержки со стороны своих западных союзников – США и ЕС, и это стало еще одной причиной для отхода Турции от прозападного курса и осуществления «разворота на Восток», а также предоставило Турции возможность стать более независимой в своей политике, ей больше не нужно было во всем опираться на мнение союзников.

Также во многом именно попытка государственного переворота побудила Р. Эрдогана начать масштабные внутривластные реформы. Военная (расширение Высшего военного совета за счет гражданских лиц – министров и др., подчинение начальника Генштаба непосредственно президенту) и конституционные реформы (упразднение поста премьер-министра, наделение президента законодательной инициативой в обход парламента, «обнуление президентских сроков» и др.), а также досрочные президентские выборы сформировали супер-президентскую систему [48]. Это открыло для Р. Эрдогана дополнительное пространство для маневра во внешней политике – он мог принимать единоличные решения, не вызывающие одобрения со стороны других властных групп, в первую очередь по проблемным вопросам – касательно операций в Сирии, Ираке. Также, реформы значительно ослабила в первую очередь позиции кемалистов и военной элиты, которые идеологически были привержены западным ценностям, предопределяя лишь один путь развития страны и лишая правительство возможности маневрирования [47].

Уход А. Давутоглу, архитектора турецкого внешнеполитического курса, не повлек за собой серьезных изменений. По мнению экспертов, даже несмотря на его уход внешняя политика Турции останется прежней [49]. И, действительно, так и случилось – не было разработано никакой радикально новой внешнеполитической доктрины. Но важность его ухода заключается в

другом. Как известно, в последние годы между президентом и премьер-министром усилились разногласия по вопросам внутренней и внешней политики, А. Давутоглу был недоволен превращением Турции в супер-президентскую республику, отходом от принципов светского государства и участвовавшими нарушениями прав человека. С уходом А. Давутоглу и замещением его на более удобного кандидата опять же обеспечил себе место для внешнеполитических маневров.

Говоря о переходе к последнему этапу турецкой внешней политики в 2021 году, нельзя не отметить совокупность как внутренних, так и внешних трансформационных факторов.

Возникло много внутренних сложностей: усилились кризисные явления в экономике: снизились темпы роста ВВП, усилилась инфляция. Кроме того, пандемия COVID-19 вызвала снижение экономической активности во всем ближневосточном регионе: уменьшился уровень двусторонней торговли, сократились инвестиции (что было особенно нежелательно для Турции, в экономике которой преобладали внешние источники финансирования). Падали доходы населения, снижался уровень жизни. Экономические проблемы создавали угрозы для внутренней стабильности государственного строя.

К 2021 году Турция превратилась в изгоя, ее отношения с большинством ближневосточных государств ухудшились, Турция практически не имела союзников в регионе. Но в то же время, экономические и социальные проблемы, спровоцированные пандемией, затронули не только Турцию. Другие страны Ближнего Востока, так же, как и Турция, понимали, что региональное противостояние достигло предела, и его продолжение негативно сказывается на всех участниках.

Эти факторы послужили началом для нормализации отношений между Турцией и ее ближневосточными соседями: Саудовской Аравией, Египтом, ОАЭ, Израилем, Бахрейном, в перспективе даже Сирией и др. Турция отходит от жесткой, бескомпромиссной борьбы за влияние в регионе – вместо этого она

начинает действовать более гибко, прислушивается к другим игрокам, чтобы не оказаться в изоляции.

Таким образом, внешняя политика Турции испытала на себе влияние большого количества факторов, которые привели как к позитивным, так и к негативным изменениям.

Во-первых, необходимо отметить внешние факторы трансформации. Фактор, оказавший наибольшее влияние на развитие политического курса Турции – «арабская весна». С одной стороны, именно после арабской весны турецкая политика стала более активной, нацеленной на лидерство, осознанной и целенаправленной – это, несомненно, позитивные изменения. Но с другой стороны, «арабская весна» сделала турецкую политику агрессивной, чаще начала применяться жесткая сила – это скорее негативные изменения.

Еще один внешний фактор – неудачи Турции в европейской интеграции, также вызвал ряд положительных изменений: политика стала более многовекторной – начало укрепляться взаимодействие со странами Азии, Африки, и, конечно, Ближнего Востока. Но в то же время, независимость Турции от ЕС, отсутствие необходимости придерживаться европейских ценностей, привела к тому, что Турция стала более свободно использовать жесткую силу, не боясь осуждения. Вплоть до проведения военных операций на территории других стран.

Следующий внешний фактор – ухудшение отношений Турции с США, привел преимущественно к позитивным изменениям. Исчезла необходимость во всем согласовывать политику с союзником, Турция получила возможность действовать более самостоятельно. Теперь Турция может развивать взаимовыгодные отношения с Ираном и Россией. Также в связи с ослабеванием роли США на Ближнем Востоке, Турция получила возможность укрепить свое влияние. Так, например, Турция вытеснила США из сирийского урегулирования, сейчас она играет там одну из ведущих ролей.

Наконец, то положение на международной арене, которое Турция занимала к 2021 году стало решающим фактором трансформации внешней

политики: страна оказалась практически в изоляции, ее имидж был серьезно испорчен. Поэтому Турция начала действовать более мягко, гибко, идти на уступки другим государствам, для того, чтобы возобновить союзнические отношения.

Также, необходимо отметить внутривнутриполитические факторы, которые подтолкнули Турцию к изменениям внешнеполитического курса.

Во-первых, это попытка военного переворота в 2016. Данный фактор вызвал скорее негативные изменения. Возможная причастность к перевороту других государств окончательно перечеркнула принципы политики «ноль проблем с соседями». Кроме того, после переворота нужно было вернуть утраченный авторитет турецких вооруженных сил, проверить их надежность – это стало одним из факторов, подтолкнувших руководство страны к проведению военной операции «Щит Евфрата» на территории Сирии – с этого момента силовые методы в политике Турции начинают применяться все чаще.

Проведенные в 2016-2017 гг. реформы государственного аппарата и реформы в армии открыли для президента возможность единолично принимать решения, снизилось влияние оппозиционных сил. Также нельзя не отметить отставку А. Давутоглу – «архитектора» турецкого внешнеполитического курса. Оба данных факторы оказали негативное влияние: политика стала менее последовательной, все чаще стали предприниматься противоречивые шаги, ведущие лишь к краткосрочной выгоде, без учета будущих перспектив.

Наконец, нельзя не отметить такой внутривнутриполитический фактор, как экономическая нестабильность (инфляция, послепандемийный кризис). Именно она стала стимулом для восстановления отношений с другими государствами, развития многостороннего сотрудничества, с целью преодоления кризиса.

2.2 Проблемы и перспективы развития турецко-сирийских отношений

Характер турецко-сирийских отношений всегда был далек от добрососедских. В первую очередь, они были осложнены двумя спорами – территориальный вопрос, связанный со спорной провинцией Хатай (Александреттский санджак) – территории, вошедшей в состав Турции в 1939 году при поддержке Франции, что не было признано Сирией, и вопрос распределения вод реки Евфрат – в результате реализации проекта Юго-Восточной Анатолии в 1989 году Турция смогла полностью захватить контроль над ресурсами реки Евфрат [50].

Но наиболее существенной проблемой во взаимоотношениях двух стран стал курдский вопрос, а точнее поддержка Сирией курдского движения, которая особенно обозначилась после создания в 1974 году Рабочей партии Курдистана (РПК). В 1990-е Сирия превратилась в полноценный плацдарм для деятельности курдских повстанцев, даже лидер РПК Абдулла Оджалан вплоть до 1998 года находился в Сирии, из-за чего стороны оказались на грани вооруженного конфликта – Турция угрожала начать военные действия, если Сирия продолжит давать убежище членам РПК [51]. Такая поддержка во многом обуславливалась стремлением сирийских властей иметь рычаг давления на Турцию в решении территориальных споров. Но в итоге, конфликт был успешно разрешен – в 1998 году стороны подписали Аданское соглашение, определяющее меры совместной борьбы с деятельностью РПК. Это соглашение открыло дорогу для дальнейшей нормализации отношений.

Начиная с 2002 года, с приходом к власти Партии Справедливости и Развития, а также с принятием доктрины «стратегической глубины» в качестве основной внешнеполитической концепции, в Сирии в это время избранный президент Башар Асад провозглашает политику «открытости и гласности», направленную на демократизацию политической жизни и получившая название «сирийская весна». В результате, в отношениях между двумя странами наступает период «оттепели» – в 2004 году состоялся первый за 57 лет визит президента Сирии в Турцию, стороны начали поддерживать регулярные политические контакты на разных уровнях, был создан «Турецко-сирийский

совет по стратегическому сотрудничеству», развивалось сотрудничество в области торговли, энергетики, безопасности. Даже возникла перспектива разрешения двух наиболее спорных моментов в отношениях, например, проблемы трансграничных рек – стороны подписали Договор о распределении водных ресурсов [4].

В целом, Турция воспринимала Сирию как свою зону влияния, надеялась на переориентацию сирийского политического режима, и довольно активно продвигала свои политические и идеологические ценности.

События «арабской весны» стали переломным моментом в отношениях двух стран. В марте 2011 года Сирию охватили гражданские протесты. Турция восприняла это как возможность сменить сирийский режим, прикрываясь идеями о «воле народа» и «демократии», заменив его на более подконтрольный. В результате чего, в сирийском кризисе Турция заняла сторону противников режима президента Башара Асада. Изначально Турция пыталась использовать методы «мягкого» воздействия, предлагая сирийским властям свое содействие в немедленном провести реформы в стране, необходимых для сохранения легитимности режима. А. Давутоглу объяснял это следующим образом: «Мы установили контакты с этими режимами тогда, когда они не были в состоянии войны с их собственным населением. Но когда они предпочли подавлять требования граждан, мы примкнули к этим людям, оставаясь преданными принципам демократии» [52].

Вскоре, когда дипломатические методы исчерпали себя, Турецкие лидеры начали прямо призывать президента Б. Асада уйти в отставку. Также, Турция начала оказывать поддержку сирийской оппозиции. Так, в октябре 2011 г. в Стамбуле был сформирован Сирийский национальный совет (СНС), поставивший целью отстранение Б. Асада от власти. Лидеры сирийской оппозиции призвали мировое сообщество признать СНС единственным легитимным представителем сирийского народа. В дальнейшем на смену СНС пришла Национальная коалиция сил сирийской революции (НКССР) – орган, также сформированный при поддержке Турции. Было проведено множество

заседаний с участием этих оппозиционных объединений, где обсуждались методы борьбы с режимом Б. Асада, в том числе и силовые [3, с. 270].

Кроме того, Турция активно призывала своих союзников по НАТО вмешаться в конфликт. «До сих пор мы были терпеливы к Сирии, но, если та сторона продолжит свои провокации на нашей границе, по 5-й статье устава НАТО это превратится в проблему Альянса», – заявил в мае 2012 года премьер-министр Турции Р. Т. Эрдоган [53].

Таким образом, свержение режима Башара Асада любой ценой стало центральным направлением турецкой внешней политики в этот период. Турция была готова пойти на краткосрочное ухудшение двусторонних отношений для того, чтобы добиться свержения действующего правительства и замены его на более идеологически близкое, подконтрольное и про-турецкое, что в долгосрочной перспективе способствовало бы успешному развитию двусторонних отношений, поскольку несмотря ни на что, Сирия продолжала оставаться государством, входящим в сферу геополитических интересов Турции. Но Турецкое правительство оказалось ошибочным в своих прогнозах: оно недооценило внутреннюю устойчивость сирийского режима, а также масштаб международной поддержки, которую ему оказывали такие государства, как Иран, Россия.

22 июня 2012 года, силами сирийской ПВО был сбит турецкий истребитель, а через две недели – еще один самолет, занимавшийся поисками первого. Кроме того, был зафиксирован ряд обстрелов на турецко-сирийской границе, в результате чего остро вставал вопрос об ответных мерах турецкой стороны и потенциальном военном вмешательстве.

Турция не желала действовать в одиночку, и надеялась получить поддержку от Западных союзников. Но страны НАТО, в первую очередь США, опасались непредсказуемого развития событий (с учетом определенной боеспособности сирийского режима и факта наличия у него химического оружия), свою роль сыграла и жесткая позиция России и Китая в Совете Безопасности ООН, а также интересы других стран региона в Сирии – все это

открывало дорогу к интернационализации конфликта. Не менее важным фактором были антивоенные настроения внутри самой Турции – согласно опросам, около 80% турок были против вооруженного вмешательства своей страны во внутренние дела Сирии [54]. В итоге, турецкая интервенция на территорию Сирии не состоялась, но Турция продолжала играть огромную роль в конфликте за счет оказания поддержки повстанцам, сражающимся на территории Сирии. Во-первых, турецкие города Килис и Рейханлы стали логистическим центром переправки боевиков на территорию Сирии, а во-вторых, Турция активно поставляла вооружения повстанцам, борющимся против режима Б. Асада – в первую очередь, такой организации, как Сирийская свободная армия (ССА) [55].

Стоит отметить, что особую угрозу для Турции представляет курдский сепаратизм, который получил новый импульс от сирийских курдов. До начала сирийского кризиса ПСР пыталась добиться примирительных отношений с Рабочей Партией Курдистана. В 2013 была разработана дорожная карта, включающая в себя обязательства по разрешению долгосрочного конфликта, стороны договорились о взаимном прекращении огня, было подписано перемирие. Но в 2014 году сирийские курды объявили о создании автономии на севере страны, на границе с Турцией. Ключевую роль в попытке создания курдской автономии играла партия «Демократического союза» (PYD). Турция увидела в этом угрозу возможного объединения сил турецких и сирийских курдов, а также создания независимого курдского государства. В 2015 году PYD заявила о создании военного альянса – Сирийских демократических сил (СДС), ядром СДС являются Отряды народной самообороны (YPG) [51]. Альянс получил поддержку со стороны международной коалиции в Сирии, возглавляемой США. Официальной причиной создания СДС была борьба с «Исламским государством» на территории Сирии, но Турция посчитала это попыткой силового захвата территорий с целью создания курдского государства.

В результате, Турция ужесточила свою позицию касательно курдского вопроса. 27 июня 2015 года президент Эрдоган заявил, что Турция никогда не допустит создания государства на границе с Турцией и готова бороться любой ценой [56]. PYD и YPG в Турции были признаны террористическими организациями. После этого, перемирие, заключенное с РПК утратило всякий смысл и перестало действовать, что стало дополнительным стимулом к активизации курдских сил в Сирии.

Таким образом, вплоть до 2016 года турецкое вмешательство в сирийский конфликт было скорее косвенным: она действовала гибридными методами, оказывая поддержку ССА, участвовала в операциях, проводимых антитеррористической коалицией во главе с США, но при этом Турция все еще опасалась открытой двусторонней военной конфронтации с правительством в Сирии. При этом угроза безопасности, связанная с деятельностью террористических группировок (как радикальных исламских, так и курдских образований), миграционным и гуманитарным кризисом, все нарастала.

В 2016 году Турция сталкивается с рядом факторов, оказавших трансформационное влияние на ее внешнеполитический курс, в том числе и в отношении Сирии. Неудавшаяся попытка военного переворота, а также ухудшение отношений с Западными союзниками – в первую очередь, с США, становятся катализатором для активизации Турции на международной арене Ближнего Востока. Турция готова действовать независимо и самостоятельно, и, если нужно, применить силовые методы, поскольку ей больше не нужно думать о «беспроблемном соседстве» или о гармонизации своих интересов с интересами союзников. Кроме того, в 2014–2016 годах все больше внешних игроков оказываются втянуты в сирийский кризис (в том числе США и Россия), которые неизбежно будут оказывать доминирующее влияние на процесс формирования постконфликтной расстановки сил в регионе, что может помешать Турции реализовать свои амбиции. В результате, Турция приступает к активным действиям, с целью укрепления своих лидерских позиций в регионе.

В августе 2016 года, после теракта в приграничном городе Каркамыш, Турция заявляет о начале военной операции «Щит Евфрата». Операция носила преимущественно контртеррористический характер, ее официальными целями операции стали борьба с Исламским Государством и курдских партией «Демократического союза» (PYD), а также с Сирийскими демократическими силами (СДС). В марте 2017 года операция официально завершилась, поскольку достигнуты были ее основные цели: турецкие войска установили контроль над треугольником приграничных сирийских городов Азаз – Аль-Баб – Джераблус, в результате чего была создана буферная зона [57].

Несмотря на благородные цели операции и ее результативность, никаких улучшений в турецко-сирийских отношениях не наблюдалось. Во-первых, «борьба с ИГ» была лишь второстепенной причиной начала операции, основной упор Турция сделала на борьбу с силами самообороны сирийских курдов – это говорит о том, что Турция позволяет себе осуществлять ввод войск на территорию суверенного государства ради обеспечения собственной безопасности. Кроме того, одним из усугубляющих положение факторов стало совместное осуществление военных действий ВС Турции с членами Сирийской свободной армии. В результате, сирийские власти, вполне ожидаемо, сочли турецкую военную операцию на своей территории не правомерной, требуя немедленного вывода войск.

В январе 2018 года Турция объявила о начале военной операции «Оливковая ветвь», которая стала неким продолжением предыдущей операции «Щит Евфрата». Цели операции носили схожий характер – продолжение решения «курдской проблемы», борьба с СДС и PYD, создание буферной зоны на севере Сирии. Во многом на проведение операции Турцию подтолкнули заявления США о создании «сил безопасности границы» численностью до 30 тысяч, которые должны были объединить курдские отряды. В ответ на действия США, Турция продемонстрировала готовность действовать решительно и жестко, что опять же говорит о нарастающей самостоятельности в турецком

внешнеполитическом курсе. По итогам операции Турции удалось очистить территорию в районе города Африн [51].

В целом, в результате проведения двух операций Турция захватила часть территории Сирии – регион Северный Алеппо, но не стала ее оккупировать – сразу после окончания военных кампаний турецкие войска были выведены, а эти регионы в настоящее время контролируются силами сирийской оппозиции из Сирийской национальной армии (СНА) – масштабной военной группировки, созданной по инициативе Турции в 2016 году после завершения операции «Щит Евфрата», из множества оппозиционных про-турецких сирийских группировок. По мнению российского эксперта-тюрколога Тимура Ахметова, эти территории станут предметом торга турецких властей с другими игроками в сирийском конфликте, чтобы в будущем выбить себе выгодные условия для работы в Сирии, в том числе экономические. Речь идет, например, о возможном участии турецких строительных компаний в реконструкции Сирии [58].

Операция «Источник мира», начатая в октябре 2019 года, стала последней фазой турецкого плана по созданию приграничной зоны безопасности. В ходе операции турецкие войска установили контроль над сирийскими приграничными городами Рас-эль-Айн и Телль-Абьяд и соседними районами. В октябре 2019 года президенты России и Турции в результате переговоров в городе Сочи, подписали Меморандум о взаимопонимании, который окончательно закрепил статус-кво на северо-востоке Сирии, была создана буферная зона глубиной до 32 километров, патрулированию и защиту которой должны были осуществлять совместно силы России и Турции [59].

Помимо защиты от военной угрозы со стороны курдских боевиков, созданная «безопасная зона» также может помочь Турции значительно снизить миграционную нагрузку – в очищенных районах планировали расселить сирийских беженцев, которых, по данным турецкой стороны, в Турции насчитывается около 3,6 млн человек [60]. «Миграционная программа» порождает долгосрочную стратегию реконструкции инфраструктуры этих

районов и создания системы их обороны как от правительственных сил, так и от курдских формирований.

Кроме того, Турция использует социальные и экономические проекты для того, чтобы закрепить свое влияние в освобожденных сирийских регионах – отремонтированы или заново построены объекты здравоохранения, на которых вместе с местными сирийцами работают турецкие врачи, открываются старые и строятся новые школы, где за основу берется турецкая система образования, обязательным становится изучение турецкого языка, открываются филиалы турецких университетов [61].

Также, Турция занимается строительством мечетей и подготовкой имамов для них, пытаясь использовать религиозный фактор для противодействия радикальному секуляризму РПК, а также радикальной салафитской идеологии террористических группировок, действующих в Сирии [59]. Через религию Турция планирует укрепить в местных сирийцах лояльность к себе через общее исламское наследие.

Что касается сирийских властей, они неоднократно осуждали действия Турции на своей территории. Так, президент Б. Асад характеризовал операцию «Источник мира» как «преступную агрессию» и «неприкрытое нападение» [62]. Турецкий план по решению миграционной проблемы также не вызывает доверия – по мнению президента Сирии, действия Турции – это «гуманитарная вывеска для создания иллюзии» [63]. На самом же деле Турция планирует перевезти на эти земли оппозиционно настроенных по отношению к сирийскому режиму боевиков с их семьями, что поможет Турции создать свою зону влияния на территории Сирии. В целом, политика Турции на северо-востоке Сирии расценивается как «оккупация, и является проявлением агрессии, нарушением сирийского суверенитета» [64].

В 2020-2021 годах обстановка в Сирии относительно стабилизировалась – впервые с начала гражданской войны в стране не проводились полномасштабные военных действия с участием крупных соединений сухопутных войск и авиации.

Наибольшая интенсивность военных действий сохранялась в районе Идлиба – зоне, которая также является наиболее проблемной и важной зоной для Турции. В 2018 году Россия и Турция подписали меморандум о стабилизации обстановки в Идлибской зоне деэскалации, предполагавший вывод из Идлиба всех радикальных террористических группировок и совместное патрулирование территории войсками России и Турции [65]. Но освобождения Идлиба от боевиков не произошло – территория контролируется террористической группировкой Хайят Тахрир аш-Шам (ХТШ) и подконтрольной ей гражданской администрацией Правительством спасения.

Зона деэскалации Идлиб существенно отличается от турецких протекторатов в Северном Алеппо и не имеет статуса турецкой зоны безопасности. Но несмотря на это, именно здесь расположен самый крупный турецкий военный контингент в Сирии – около 10-15 тыс. военнослужащих [66].

В мае 2019 Сирийская арабская армия (силы официального правительства) при активной поддержке вооруженных сил России начала военную операцию «Рассвет Идлиба», с целью освобождения региона от радикальных исламских группировок. При этом многие из гарнизонов турецких опорных пунктов в Идлибе служат базами для переподготовки и перевооружения подразделений Сирийской национальной армии, в результате чего турецкие опорные пункты в Идлибе приобретают вид смешанных подразделений, совместных с сирийскими оппозиционными силами. Одновременно на остальной территории Идлиба размещены военные силы ХТШ, а Правительство спасения, подконтрольное ей, осуществляет административный контроль на всей территории Идлиба, ему подконтрольны даже районы размещения формирований СНА. Из-за этого возникают сложности, связанные с отделением умеренной оппозиции (СНА) от радикалов: отряды СНА, еще не включенные в турецкую программу переобучения и оснащения, могут взаимодействовать в военном плане с ХТШ. Именно поэтому

многие фракции СНА подвергались российским авиаударам, что вызывало большое недовольство со стороны Турции [66].

Для Турции очень важно сохранить присутствие СНА в Идлибе, чтобы иметь на севере силу, способную в случае необходимости противостоять курдским Отрядам народной самообороны (YPG), а также сохранение статус-кво в Идлибе позволяет Турции сохранять рычаг давления на сирийские власти и другие государства-участники сирийского урегулирования.

Более глобальная стратегическая цель Турции – создание зоны безопасности от Идлиба до иракской границы. В ноябре 2022 года Турция объявила о начале новой военной операции «Коготь-меч» на северных территориях Ирака и Сирии.

Таким образом, за десять лет, прошедшие с начала сирийского кризиса отношения двух государств приобрели враждебный, конфронтационный характер, накопилось огромное количество неразрешенных противоречий. Основные из них сводятся к нелегитимным с правовой точки зрения военным операциям, проведенным Турцией на территории Сирии; поддержке Турцией группировок, оппозиционных сирийскому режиму, которые она использует для давления на режим Б. Асада а также как средство для ведения борьбы с курдами; попыткам Турции закрепить свое экономическое, политическое и идеологическое влияние на захваченных ей в ходе проведения военных операций территориях. Более глобальные противоречия касаются взглядов на политического будущего Сирии (принципиальная позиция Турции относительно непризнания режима Б. Асада) и расстановки сил на Ближнем Востоке (где Турция считает себя однозначным лидером, а также считает Сирию своей зоной влияния). Единственной сферой, где интересы двух стран частично совпадают, является перспектива создания курдской автономии – оба государства заинтересованы в сохранении своей территориальной целостности. Также, ни Турция, ни Сирия не заинтересованы в укреплении военизированных курдских группировок – оба государства нацелены на борьбу с ними. Но даже схожесть взглядов относительно курдского вопроса не смогла сблизить Турцию

и Сирию – в первую очередь из-за того, что Турция решила разрешить этот вопрос самостоятельно, не желая предварительно выйти на диалог с сирийским правительством.

В 2021 году Турция приступает к реализации нового направления во внешней политике – начинается волна нормализации отношений с соседями – Египтом, Саудовской Аравией, ОАЭ, Израилем. В ноябре 2022 года президент Эрдоган заявил, что не исключает нормализации отношений с Сирией в ближайшее время. «В политике не бывает обид», – отметил президент, очевидно, намекая, что для Турции и Сирии восстановление отношений может принести много пользы, и странам нужно отречься от старых обид и действовать прагматично [67]. 15 декабря 2022 года в ходе телефонного разговора с В. Путиным Р. Эрдоган предложил провести встречу лидеров Турции, России и Сирии, а также предварительные встречи глав минобороны, МИД и разведслужб. Первая стадия данной переговорной серии уже была выполнена – в конце 2022 года впервые министры обороны и разведслужб трех стран. Вторая серия переговоров была запланирована на 15-16 марта 2023 года, но была перенесена на более поздний срок [68]. Именно от того, как пройдет встреча министров иностранных дел, зависит реализация третьего, самого важного этапа.

Но возможна ли нормализация турецко-сирийских отношений? Сирийские официальные лица придерживаются позиции, что нормализация отношений с Турцией невозможна без прекращения оккупации [69]. Вывод турецких войск с территории Сирии – основное условие сирийской стороны, которое можно назвать заведомо неосуществимым, поскольку суть этого условия не совсем ясна. Так, во-первых, нахождение турецких вооруженных сил на территории Идлиба и в пределах приграничной зоны безопасности является правомерным, поскольку предусмотрено совместным российско-турецким меморандумом от 2018 года, а также российско-турецким сочинским меморандумом от 2019 года. Цель их нахождения на данных территориях – патрулирование в целях безопасности. Кроме того, Турция много раз заявляла,

что не планирует аннексировать сирийские земли, она скорее распространила над ними свой протекторат, но на данный момент там находятся части Сирийской национальной армии, которые Турция активно поддерживает – это в глазах сирийской стороны как захват территории террористами при поддержке турецких наемников. Поддержка сирийской оппозиции – это отдельно стоящий вопрос. Если Турция перестанет оказывать столь существенную военную поддержку США и другим группировкам, это будет расценено сирийским правительством как шаг навстречу. В современных условиях, когда США значительно ослабла и раскололась, такой вариант кажется реалистичным – особенно, если власти Сирии смогут установить контроль над районами, где присутствуют террористические группировки, в том числе и курдские формирования – то вполне возможно, что Турции не придется так сильно опираться на США и другие оппозиционные структуры для поддержания безопасности. Возможно, что со временем удастся добиться интеграции оппозиционных формирований в официальные сирийские структуры.

Возобновление отношений может принести большое количество выгод для обеих сторон. Во-первых, решение миграционной проблемы – нормализация отношений поможет снять напряжение в пограничных регионах, добиться снижения военной активности или даже полного прекращения огня – это создаст благоприятную почву для массового возвращения сирийских беженцев. Турция, начав диалог с Сирией, сможет отказаться от самостоятельного проведения ресурсозатратных операций для обеспечения безопасности на границах, и сможет координировать свои усилия с Сирийским правительством, а также и с другими союзниками Сирии – Россией и Ираном. Для Сирии возобновление отношений с Турцией также станет возможностью выхода из международной изоляции и повышения ее легитимности на международной арене. Так, в первую очередь другие страны Ближнего Востока могут последовать за примером Турции и начать нормализацию отношений (сначала, возможно Катар, как союзник Турции, а затем и Саудовская Аравия, как соперник).

В целом, можно выделить большое количество проблемных факторов, которые негативно сказываются на развитии отношений двух стран.

В первую очередь, курдская проблема. Для Турции это основная угроза безопасности, именно она толкает Турцию на проведение военных операций на территории Сирии. В свою очередь Сирия поддерживает контакты с некоторыми курдскими группировками. Курдский сепаратизм – угроза для обеих стран, но стороны никак не могут найти общий подход к решению этой проблемы.

Еще одна серьезная проблема, тормозящая нормализацию отношений, это присутствие турецких вооруженных сил на территории Сирии. Турецкое военное присутствие сохраняется, в первую очередь, для борьбы с террористами и курдскими боевиками, но Сирия расценивает это как оккупацию.

Вмешательство Турции во внутренние дела Сирии, выражающееся в поддержке оппозиционных сил – данная проблема сохраняется, но у нее больше шансов быть разрешенной, поскольку на данный момент сирийская оппозиция очень ослабла и разделилась, Турция не получает много выгод от взаимодействия с ней.

Также существует проблема использования водных ресурсов рек Тигр и Евфрат. Хотя этот вопрос отошел на второй план, но он так и не был неразрешенными, переговорный процесс по вопросам рек был прерван в 2011 году. В настоящий момент Турция продолжает реализовывать односторонние проекты на Евфрате, препятствующие доступу воды в Сирию.

Несмотря на большое количество проблем в отношениях, существуют также факторы, которые могут поспособствовать их нормализации. В первую очередь, это миграционная проблема – обе стороны заинтересованы в возвращении беженцев на Родину, поэтому именно обсуждение данного вопроса может сблизить страны, и, если получится успешно его разрешить, откроются новые направления для сотрудничества.

Еще один фактор, способный положительно повлиять на двусторонние отношения, это стремление Турции участвовать в восстановлении сирийской инфраструктуры. Роль основных инвесторов в сирийскую экономику могли бы сыграть Россия и Иран, но на данный момент государства не располагают необходимыми для этого ресурсами, а другие государства Ближнего Востока опасаются попадания под вторичные санкции, наложенные США. Это открывает дорогу для турецких строительных компаний. Кроме того, у Турции уже есть опыт реализации строительных проектов на севере Сирии.

В качестве еще одного сближающего фактора можно выделить существование общих угроз безопасности – в первую очередь, террористической угрозы. На данный момент уже известно о развитии турецко-сирийских контактов в области безопасности.

Еще один фактор, способный оказать благоприятное воздействие на взаимоотношения – предстоящие выборы в Турции. Действующий президент Р. Эрдоган может использовать сближение с Сирией для завоевания симпатий электората – старый курс, нацеленный на свержение сирийского правительства, оказался неэффективным, и в целом политика Турции в предыдущие годы ввела ее в международную изоляцию, поэтому в следующий период своего президентства Р. Эрдоган готов действовать более миролюбиво, идти на уступки другим странам, восстанавливать и укреплять союзнические отношения. Но и напротив, в случае поражения действующего президента на выборах могут открыться дополнительные возможности для восстановления отношений – так, главный конкурент Р. Эрдогана К. Кылычдароглу неоднократно критиковал действующие власти за их политику в отношении Сирии, поэтому, возможно, что к новому лидеру сирийские власти будут более благосклонны, и он, в свою очередь, будет готов сделать более серьезные шаги навстречу для восстановления отношений.

Таким образом, вряд ли можно говорить о полном возобновлении отношений Турции и Сирии в ближайшее время – слишком велико взаимное недоверие, а также принципиальность обеих стран, но вполне возможно, что

произойдет серьезное «потепление» – стороны будут развивать взаимодействие по конкретным вопросам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенных исследований можно сделать следующие выводы по теме.

На основе анализа внешнеполитической концепции Ахмета Давутоглу «ноль проблем с соседями», можно отметить, что ее основные цели – превращение Турции в регионального и мирового лидера, путем развития взаимовыгодного экономического и культурного сотрудничества с другими государствами региона, разрешения противоречий. Практическая реализация концепции оказалась unsuccessful: отношения Турции со многими «соседями» (Сирией, Египтом, Израилем, Ираном и др.) ухудшились, ни один из давних споров (с Грецией, Сирией, Кипром, Арменией) так и не был разрешен, более того появились новые угрозы безопасности: усиление курдского сепаратизма, появление множества радикальных исламских террористических группировок в соседних странах.

Неудачи обоснованы рядом причин. Во-первых, неспособностью Турции грамотно адаптировать свою внешнеполитическую стратегию под изменения, происходящие в международной системе Ближнего Востока. Так, Турция неверно оценила влияние событий «арабской весны». Во-вторых, чрезмерная активность Турции по утверждению своих лидерских позиций вызвала опасение у других стран региона, продвигаемые ею инициативы стали рассматриваться как попытки вмешательства во внутренние дела. В результате чего, имидж Турции был значительно испорчен, она лишилась возможности воздействия на соседей с помощью мягкой силы.

На данный момент, хотя официально концепция и продолжает оставаться основой внешней политики, Турция отходит от заложенных в ней основных принципов и действует более прагматично, руководствуясь реальными политическими и экономическими интересами.

Роль, которую Турция играет в системе международных отношений Ближнего Востока, является крайне неоднозначной. С одной стороны, у нее

есть все необходимые внутренние и внешние ресурсы для закрепления лидерства, но из-за ошибочных внешнеполитических решений Турция оказалась практически в изоляции. В регионе был сформирован неформальный антитурецкий альянс, включающий Саудовскую Аравию, ОАЭ, Египет, Бахрейн, Иорданию. Недовольство вызывают одни и те же причины: поддержку Турцией радикальных исламских группировок, агрессивные действия в Сирии, Ливии и Ираке, формирование военно-политического союза с Катаром, экспансионистская политика в Средиземном море, а также на Кавказе.

В результате Турция вынуждена была изменить тактику и сделать выбор в пользу коллективного сотрудничества, отказаться от некоторых своих амбиций для того, чтобы нормализовать отношения с соседями, и извлечь из них максимальную выгоду, в первую очередь, экономическую. Показателем является, например турецкий ближневосточный политический курс, который не отличается стабильностью и все еще находится в процессе формирования.

За период правления партии ПСР Турция испытала на себе влияние большого количества факторов, которые привели как к позитивным, так и к негативным изменениям.

Среди внешних факторов можно отметить следующие: события «арабской весны», неудачи в европейской интеграции, ухудшение отношений с США, состояние международной изоляции, которого Турция достигла к 2021 г.

К внутренним факторам относятся следующие: попытка государственного переворота в 2016 г., реформы государственного аппарата и реформы в армии, уход с министерской должности А. Давутоглу – «архитектора» турецкого внешнеполитического курса, экономический кризис 2021 г.

Позитивные трансформации выражались в следующем: политика приобрела более активный, нацеленный на лидерство характер, Турция стала более независимой от союзников, за счет чего перед ней открылись новые векторы сотрудничества, например, развитие отношений с Россией и Ираном.

Негативные изменения заключаются в следующем: политика стала более агрессивной, чаще начала применяться жесткая сила, и при этом она приобрела менее последовательный и продуманный характер.

На основе анализа отношений Турции и Сирийской Арабской Республикой можно сделать вывод, что они прошли через ряд позитивных изменений во время начального этапа политики «ноль проблем с соседями», но с началом гражданской войны в Сирии в 2011 году резко ухудшились. Основными проблемами в отношениях остаются следующие вопросы: курдская проблема, толкающая Турцию на проведение военных операций; присутствие Турецких войск на территории Сирии; вмешательство Турции во внутренние дела САР, выражающееся в поддержке оппозиции; а также неразрешенная проблема использования водных ресурсов рек Тигр и Евфрат.

В 2022 году турецкая сторона выступила с инициативой по нормализации двусторонних отношений. Это непростой процесс, осложненный многими факторами, но существуют сферы, где интересы сторон пересекаются, они могут поспособствовать дальнейшему сближению двух стран. В первую очередь, это взаимная заинтересованность в разрешении миграционной проблемы; стремление Турции участвовать в восстановлении сирийской инфраструктуры; существование общих угроз безопасности.

Таким образом, на основании изложенного можно утверждать, что во втором десятилетии XXI века Турция направила большое количество усилий на укрепление своих позиций на Ближнем Востоке, используя для этого широкий спектр методов. При этом турецкий внешнеполитический курс, а также его концептуальная основа, все еще находятся на стадии формирования. Этим объясняется неоднозначность и непоследовательность политических решений Турции. Но несмотря на неудачи Турция продолжает стремиться к региональному и даже глобальному лидерству.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Третьяк, С. С. Концепция Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина»: теория и практика / С. С. Третьяк // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология – 2022. – №2. – С. 109–123.

2. Turkey's Zero-Problems Foreign Policy // Foreign Policy : [сайт]. – 2010. – 10 мая. – URL: <https://foreignpolicy.com/2010/05/20/turkeys-zero-problems-foreign-policy/> (дата обращения: 08.02.2023).

3. Иванова, И. И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики в XX–XXI вв. : [монография] / И. И. Иванова ; МГИМО МИД России. – Москва : Издатель Воробьев А. В., 2019. – 380 с. – ISBN 978–5–93883–403–3.

4. Свистунова, И. А. Ближний Восток во внешней политике Турции в XXI в.: региональная стратегия / И. А. Свистунова // Проблемы национальной стратегии. – 2012. – №4. – С. 39–55.

5. Армения и Турция договорились молча // Коммерсант : [сайт]. – 2009. – 12 октября. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1254378> (дата обращения: 08.02.2023).

6. A new paradigm in Turkish-Greek relations in the changing strategic environment // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs: [сайт]. – 2010. – 10 марта. – URL: https://www.mfa.gov.tr/article-by-h_e_-ahmet-davutoglu-published-in-kathimerini-newspaper-_greece_-on-10-march-2011.en.mfa (дата обращения: 08.02.2023).

7. Задержание «Флотилии свободы» израильскими военными (2010) // РИА Новости : [сайт]. – 2020. – 31 мая. – URL: <https://ria.ru/20200531/1572112786.html> (дата обращения: 08.02.2023).

8. Турция высылает посла Израиля, отказавшегося извиниться за атаку на «Флотилию свободы» // Вести.ру : [сайт]. – 2011. – 2 сентября. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1254378> (дата обращения: 08.02.2023).

9. Ноль проблем с соседями. Как Турция превратилась из «совести Ближнего Востока» в страну-отшельницу // Валдай : [сайт]. – 2016. – 27 апреля. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nol-problem-s-sosedyami-turtsiya/> (дата обращения: 08.02.2023).

10. Population, total - Turkiye // World Bank : [официальный сайт]. – 2021. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=TR> (дата обращения: 07.03.2023).

11. GDP (current US\$) - Turkiye // World Bank : [официальный сайт]. – 2021. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=TR&most_recent_value_desc=true (дата обращения: 07.03.2023).

12. Основные механизмы реализации внешнеполитических интересов Турции на Ближнем Востоке / В. А. Аватков, С. А. Шелестов // Международные отношения. – 2018. – № 2. – С. 14–24.

13. Прямые иностранные инвестиции в Турцию выросли на 21% за год // Prian.ru : [сайт]. – 2022. – 6 сентября. – URL: <https://prian.ru/news/pryamyie-inostrannye-investicii-v-turciyu-vyrosli-na-21-za-god.html> (дата обращения: 07.03.2023).

14. Турция - лидер по оказанию гуманитарной помощи // Агентство Андалоу : [сайт]. – 2018. – 18 августа. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/турция/турция-лидер-по-оказанию-гуманитарной-помощи/1235061> (дата обращения: 07.03.2023).

15. Иванова, И. И. Отношения Турции и Саудовской Аравии / И. И. Иванова // Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы. – 2017. – №1. – С. 99–113.

16. Эрдоган заявил о причастности саудовского правительства к смерти Хашкаджи // РБК : [сайт]. – 2018. – 3 ноября. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5bdcdd3b9a794750ed21123d> (дата обращения: 07.03.2023).

17. Саудовская Аравия пошла на Турцию торговой войной: «Бойкот всего турецкого» // EurAsia Daily : [сайт]. – 2020. – 3 октября. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/10/03/saudovskaya-araviya-poshla-na-turciyu-torgovoy-voynou-boykot-vsego-tureckogo> (дата обращения: 07.03.2023).

18. Почему Саудовская Аравия ввела неформальный запрет на товары из Турции // Федеральное Агентство Новостей : [сайт]. – 2021. – 9 февраля. – URL: <https://riafan.ru/23390561-rochemu-saudovskaya-araviya-vvela-neformal-nii-zapret-na-tovari-iz-turtsii> (дата обращения: 07.03.2023).

19. Мирный план Эрдогана по Ближнему Востоку и интересы России // РСМД : [официальный сайт]. – 2022. – 7 декабря. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mirnyu-plan-erdogana-po-blizhnemu-vostoku-i-interesy-rossii/> (дата обращения: 10.03.2023).

20. ОАЭ и Турция: столкновение региональных интересов // РСМД : [официальный сайт]. – 2021. – 8 сентября. – URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/dmitri-dykan/oe-i-turtsiya-stolknovenie-regionalnykh-interesov/> (дата обращения: 10.03.2023).

21. Эрдоган считает, что к организации путча могли быть причастны другие страны // РИА Новости : [сайт]. – 2016. – 20 июля. – URL: <https://ria.ru/20160720/1472458859.html> (дата обращения: 10.03.2023).

22. КСА и Турция: на пути «ближневосточному ренессансу» // РСМД : [официальный сайт]. – 2022. – 11 мая. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/ksa-i-turtsiya-na-puti-blizhnevostochnomu-renessansu/> (дата обращения: 10.03.2023).

23. Arab League chief: Turkish tensions ‘will not end well’ // Arab News : [сайт]. – 2020. – 5 октября. – URL: <https://www.arabnews.com/node/1744121/middle-east> (дата обращения: 11.03.2023).

24. A new message resounds in the Arab world: Get Ankara // Middle East Eye : [сайт]. – 2020. – 12 сентября. – URL:

<https://www.middleeasteye.net/opinion/new-message-resounds-arab-world-get-ankara> (дата обращения: 11.03.2023).

25. Современное состояние армии Катара // РСМД : [официальный сайт]. – 2018. – 25 сентября. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennoe-sostoyanie-armii-katara/> (дата обращения: 10.03.2023).

26. СМИ: Турция создает свою вторую военную базу на территории Катара // ТАСС : [сайт]. – 2019. – 14 августа. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6761944> (дата обращения: 11.03.2023).

27. Turkey's Erdogan condemns Qatar blockade 'death sentence' // SkyNews : [сайт]. – 2017. – 13 июня. – URL: <https://news.sky.com/story/turkeys-erdogan-condemns-qatar-blockade-death-sentence-10914487> (дата обращения: 11.03.2023).

28. Инфляция в Турции снова выросла // Lenta.ru : [сайт]. – 2022. – 3 ноября. – URL: <https://lenta.ru/news/2022/11/03/turinfl/> (дата обращения: 10.03.2023).

29. Турция – на пределе «жесткой» силы // Россия в глобальной политике : [официальный сайт]. – 2022. – 4 апреля. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/turcziya-na-predele/> (дата обращения: 10.03.2023).

30. Analysts: Turkey to play decisive role in Middle East // Andalou Agency : [сайт]. – 2018. – 12 июля. – URL: <https://www.aa.com.tr/en/politics/analysts-turkey-to-play-decisive-role-in-middle-east/1201199> (дата обращения: 10.03.2023).

31. 2023 год станет решающим с точки зрения будущего Турецкой Республики // Россия в глобальной политике : [официальный сайт]. – 2023. – 7 января. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/38498> (дата обращения: 10.03.2023).

32. История египетско-турецкого конфликта: почему Анкара стремится к примирению с Каиром // Федеральное Агентство Новостей : [сайт]. – 2021. – 22 марта. – URL: https://riafan.ru/23390561-rochemu_saudovskaya_araviya_vvela_neformal_nii_zapret_na_tovari_iz_turtsii (дата обращения: 11.03.2023).

33. Бахрейн, Египет, ОАЭ и Саудовская Аравия восстанавливают дипотношения с Катаром // ТАСС : [сайт]. – 2021. – 5 января. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10409515> (дата обращения: 11.03.2023).

34. Libya derails Egypt-Turkey rapprochement // Al-Monitor : [сайт]. – 2022. – 5 ноября. – URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2022/11/libya-derails-egypt-turkey-rapprochement> (дата обращения: 11.03.2023).

35. ОАЭ инвестирует в Турцию 10 млрд долларов // МК Turkey : [сайт]. – 2021. – 25 ноября. – URL: <https://mk-turkey.ru/politics/2021/11/25/оае-инвестирует.html> (дата обращения: 11.03.2023).

36. Наследный принц Саудовской Аравии встретился с президентом Турции // REGNUM : [сайт]. – 2022. – 23 июня. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/3627367.html> (дата обращения: 11.03.2023).

37. Турция и Израиль на пути к нормализации отношений // REGNUM : [сайт]. – 2022. – 24 мая. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/3600046.html> (дата обращения: 11.03.2023).

38. Эрдоган не исключил нормализации отношений с Сирией в ближайшее время // РБК : [сайт]. – 2022. – 27 ноября. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/11/2022/6383adcb9a7947f6b91dd32b> (дата обращения: 11.03.2023).

39. Иванова, И. И. Внешняя политика Турции в контексте «арабской весны» / И. И. Иванова // Влияние событий «Арабской весны» на регион в контексте внешней политики Турции / Ответственные редакторы: В.А. Аватков, С.Б. Дружиловский. – Москва, 2012. – С. 86–107.

40. Аватков, В. А. Турция: поворот на Восток / В. А. Аватков // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – №2. – С. 181–196.

41. Шлыков, П. В. Между США, Европой и Евразией: трансформация внешнеполитических приоритетов Турции / П. В. Шлыков // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – №1. – С. 110–135.

42. America's ideal Middle east ally // The Guardian : [сайт]. – 2009. – 12 марта. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/cifamerica/2009/mar/12/obama-turkey-alliance> (дата обращения: 17.03.2023).

43. Турецкий парламентарий: Обама считает Эрдогана проблемным союзником // ТАСС : [сайт]. – 2016. – 30 марта. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3161677> (дата обращения: 11.03.2023).

44. Шлыков, П. В. Турецко-американские отношения в зеркале ближневосточного и евро-атлантического измерений / П. В. Шлыков // Актуальные проблемы Европы. – 2019. – №1. – С. 181–228.

45. Erdogan: Turkey and Iran discussing joint action against Kurds // Middle East Eye : [сайт]. – 2017. – 21 августа. – URL: <https://www.middleeasteye.net/news/erdogan-turkey-and-iran-discussing-joint-action-against-kurds> (дата обращения: 17.03.2023).

46. Иванова, И. И. Динамика развития отношений между Турцией и Ираном в XXI веке / И. И. Иванова // Восточная аналитика. – 2020. – №4. – С. 182–206.

47. Трансформация внешней политики Турции через призму последних конституционных реформ // РСМД : [официальный сайт]. – 2018. – 18 мая. – URL: https://russiancouncil.ru/blogs/mamed-mustafaev/34183/?sphrase_id=34025277 (дата обращения: 17.03.2023).

48. Современная Турция: тенденции развития и значение для России / Давыдов А. А., Гудев П. А., Звягельская И. Д. [и др.] ; под редакцией Л.С. Вартазаровой, И.Я. Кобринской, С.В. Уткина. – Москва: ИМЭМО РАН, 2019. – 54 с. – ISBN 978-5-9535-0550-5.

49. The New Turn in Turkey's Foreign Policy in the Middle East: Regional and Domestic Insecurities // Istituto Affari Internazionali : [официальный сайт]. – 2020. – 17 июля. – URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaip2017.pdf> (дата обращения: 17.03.2023).

50. Сулейманов, А. В. Турецко-сирийские отношения: вчера и сегодня / А. В. Сулейманов // Азия и Африка сегодня. – 2015. – № 12. – С. 32–38.

51. Геворгян, А. Г. Курдский вопрос в турецко-сирийских отношениях в контексте сирийского кризиса / А. Г. Геворгян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2019. – № 4. – С. 615–624.

52. Davutoglu. A, Principles of Turkish Foreign Policy and Regional Political Structuring / A. Davutoglu // International Policy and Leadership Institute: Turkey Policy Brief Series – 2012. – № 3. – P. 1–9.

53. Премьер-министр Турции вновь призывает НАТО вмешаться в сирийский конфликт // Regnum : [сайт]. – 2012. – 7 мая. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/1528509.html> (дата обращения: 30.03.2023).

54. Турция на пороге непростого выбора // Международная жизнь : [официальный сайт]. – 2014. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1040> (дата обращения: 30.03.2023).

55. Turkey and the Syrian Insurgency // HAL open science : [официальный сайт]. – 2021. – URL: <https://hal.science/hal-03350628/document> (дата обращения: 30.03.2023).

56. Turkey will 'never allow' Kurdish state in Syria: Erdogan // Middle East Eye : [сайт]. – 2015. – 27 июня. – URL: <https://www.middleeasteye.net/news/turkey-will-never-allow-kurdish-state-syria-erdogan> (дата обращения: 30.03.2023).

57. Конфликтное взаимодействие Турции и Сирии: история и современность / А. Ю. Рудницкий, В. А. Аватков, А. И. Сбитнева // Конфликтология / nota bene. – 2020. – № 2. – С. 26–34.

58. Турция обустроивается в Сирии: что будет после взятия Африна // РБК : [сайт]. – 2018. – 19 марта. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/03/2018/5aaf82099a794723d8fe76be> (дата обращения: 30.03.2023).

59. Меморандум о взаимопонимании между Российской Федерацией и Турецкой Республикой // Президент России : [официальный сайт]. – 2019. – 22 октября. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5452> (дата обращения: 30.03.2023).

60. Турция приняла столько беженцев из Сирии, сколько смогла — теперь шаг за Евросоюзом // Рамблер : [сайт]. – 2021. – 19 марта. – URL: <https://news.rambler.ru/conflicts/46037183-turtsiya-prinyala-stolko-bezhentsev-iz-sirii-skolko-smogla-teper-shag-za-evrosoyuzom/> (дата обращения: 30.03.2023).

61. Турецкие «протектораты» в Сирии: управление и интеграция // РСМД : [официальный сайт]. – 2022. – 3 октября. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turetskie-protectoraty-v-sirii-upravlenie-i-integratsiya/> (дата обращения: 30.03.2023).

62. Башар Асад: «Источник мира» – преступная турецкая агрессия // Вести.ru : [сайт]. – 2019. – 17 октября. – URL: <https://www.vesti.ru/article/1380816> (дата обращения: 30.03.2023).

63. Асад рассказал о возможных последствиях турецкой операции в Сирии // РИА Новости : [сайт]. – 2019. – 15 ноября. – URL: <https://ria.ru/20191115/1560966081.html> (дата обращения: 30.03.2023).

64. Дамаск осудил агрессивную политику Турции в Сирии // EADaily : [сайт]. – 2021. – 20 сентября. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/09/20/damask-osudil-agressivnuyu-politiku-turcii-v-sirii> (дата обращения: 30.03.2023).

65. Россия и Турция создадут демилитаризованную зону в Идлибе // РИА Новости : [сайт]. – 2018. – 17 сентября. – URL: <https://ria.ru/20180917/1528755314.html> (дата обращения: 30.03.2023).

66. Сирия: первый год без большой войны // РСМД : [официальный сайт]. – 2021. – 15 декабря. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/siriya-pervyy-god-bez-bolshoy-voyny/> (дата обращения: 30.03.2023).

67. Эрдоган высказался о нормализации отношений с Сирией // Lenta.ru : [сайт]. – 2022. – 27 ноября. – URL: <https://lenta.ru/news/2022/11/27/erdogan/> (дата обращения: 30.03.2023).

68. Встреча заместителей глав МИД РФ, Сирии, Турции и Ирана пройдет 3 апреля – источник // Sputnik Армения : [сайт]. – 2023. – 29 марта. – URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20230329/vstrecha-zamestiteley-glav-mid-rf-sirii-turtsii-i-irana-proydet-3-aprelya--istochnik-57411979.html> (дата обращения: 30.03.2023).

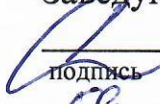
69. Глава МИД Сирии: нормализация отношений с Турцией невозможна без прекращения оккупации // ТАСС : [сайт]. – 2023. – 14 января. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16801417> (дата обращения: 30.03.2023).

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

Т.Ю. Сидорова
подпись инициалы, фамилия

«09» 00 2023 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Ближневосточная политика Турции в период 2010-2022 гг.

Руководитель

09.06.23
подпись, дата

зав.кафедрой, к.ю.н
должность, ученая степень

Т.Ю. Сидорова
инициалы, фамилия

Выпускник

10.05.23
подпись, дата

Д.А. Василюк
инициалы, фамилия

Красноярск 2023